

Революция и реакция: об истоках объектно-ориентированной социологии

ВИКТОР ВАХШТАЙН

Декан, факультет социальных наук, Московская высшая школа социальных и экономических наук (МВШСЭН); декан, философско-социологический факультет, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС); главный редактор, журнал «Социология власти». Адрес: 119571, Москва, пр-т Вернадского, 82, корп. 2. E-mail: avigdor2@yahoo.com.

Ключевые слова: френология; «сильная программа»; акторно-сетевая теория; объектно-ориентированная социология; скептицизм.

Данная статья посвящена разбору одного курьезного прецедента в истории социальной теории — рождению (во многом случайному) объектно-ориентированной социологии из духа социологии науки. В фокусе нашего анализа — полемика Дэвида Блура и Бруно Латурса, которой предшествует длительная позиционная война сторонников «сильной программы» с представителями «слабых» подходов в социологии знания. Далее мы попытаемся показать, как произошел раскол витгенштейнианского лагеря в социальной теории, как внутренние столкновения «скептицистов» и «анти-скептицистов» привели к ослаблению позиций Эдинбургской школы и как Латурс воспользовался спешным отступлением Блура на заранее подготовленные консервативно-дюркгеймианские позиции. Анализируемая нами полемика — трагическое событие в истории социологии науки, последний решительный бой «сильной программы» в борьбе с куда более радикально настроенными оппонен-

тами. В этой битве титанов Латурс впервые использует свой онтологический аргумент — концептуализацию объекта как самореферентного, недоопределенного и каузального единства, и именно этот концептуальный ход даст толчок к появлению объектно-ориентированной социологии.

Почему френология получила такое распространение именно на британских островах? Является ли единица числом? Как обращение к концепту «формы жизни» (*Lebensformen*) позволило ответить на вопрос о социальности научного знания? Как антискептицистская аргументация в поствитгенштейновской социологии науки ослабила позиции «сильной программы»? Почему тезис о «невозможности индивидуального языка» завел Эдинбургскую школу в тупик? И почему дискуссия о природе научного знания об объекте завершилась тотальной войной всех против всех в споре о природе самого объекта? Об этих и некоторых других вопросах мы поговорим ниже.

После ее смерти я привел в исполнение то, чего она не позволяла мне в течение жизни. Я обрил ей голову и тщательно исследовал ее как френолог. Вот результаты: Решимость — сильно развита; Благоволение — слабо; Сварливость — в высшей степени; Почтительность — не слишком. Воображение — очень сильно развито: ты помнишь, дружок, она всегда воображала какую-нибудь бессмыслицу.

Фредерик Марриет. Мичман Тихоня

БРЮНО Латур — известный полемист, бретер, ветеран «научных войн» и профессиональный провокатор. В результате развязанных им академических столкновений на свет появилось больше текстов, чем сам Латур успел написать за свою жизнь. Социологам науки памятна полемика Латура и Каллона с основателем «батской школы» Гарри Коллинзом (и примкнувшим к нему Стивом Йерли)¹, философам — недавнее выяснение отношений с создателем объектно-ориентированной философии Грэмом Харманом², архитекторам и дизайнерам — обмен любезностями и метафорами с теоретиком «сферологии» Петером Слотердайком³. Кто-то, возможно, вспомнит выпад Латура в сторону своего бывшего соавтора Стива Вулгара о «неуместной социологической рефлексивности»⁴, кто-то — совместную с Ан-

Статья подготовлена в рамках научно-исследовательской работы «Исследование стратегий социологического объяснения: механизмы теоретической рефлексии, когнитивные стили, новые концептуализации» (Центр социологических исследований РАНХиГС при Президенте РФ).

1. Collins H., Yearley S. Epistemological Chicken//Science as Practice and Culture/A. Pickering (ed.). Chicago: University of Chicago Press, 1992; Woolgar S. Some remarks about positionism: a reply to Collins and Yearley//Science as Practice and Culture. P. 327–342; Callon M., Latour B. Don't Throw the Baby Out with the Bath School! A reply to Collins and Yearley//Science as Practice and Culture. P. 343–368.
2. Latour B., Harman G., Erdélyi P. The Prince and the Wolf: Latour and Harman at the LSE. L.: Zero Books, 2011.
3. Слотердайк П. Теория сфер: беседа о поэтике пространства с самим собой//Проект International. 2012. № 31. С. 181–192; Латур Б. Сферы и сети: два способа реинтерпретировать глобализацию//Проект International. 2012. № 31. С. 193–200.
4. Он же. Политика объяснения: альтернатива//Социология власти. 2012. № 8. С. 113–143.

туаном Энньоном атаку на покойного Вальтера Беньямина и его живых почитателей⁵.

В промежутках между дуэлями Латур успел создать два теоретических проекта. Первый — на стыке этнографии, социологии знания и истории науки, посвященный исследованиям производства научных фактов «в лаборатории и за ее пределами», — принято относить к «раннему латурианству»; второй, дислоцированный на границе социологии материальности, теории действия и философии техники, — к «позднему».

Вопрос о том, что связывает раннего Латура (исследователя науки) с поздним (инициатором «поворота к материальному»), настолько же неоднозначен, как и вопрос «Что связывает Латура-дуэлянта с Латуром-теоретиком?». Однако представленная на страницах «Логоса» полемика с Дэвидом Блуром проливает свет на это странное расчленение личности, потому что в нее оказались вовлечены все четыре Латура: критический антисоциологистский аргумент латуровской программы здесь дополняется внятной артикуляцией ее «ставки» в теоретической игре, а в дискуссии о социологическом объяснении научного знания отчетливо видны причины «онтологического поворота» и движения в сторону объектно-ориентированной социологии позднего латурианства. Конечно, само событие рождения объектно-ориентированной социологии из духа социологии науки произошло за десять лет до интеллектуальной дуэли с Блуром. Но если бы не их обмен репликами, вынудивший Латура «раскрыть карты», нам сегодня было бы куда сложнее проследить запутанную хореографию его аргументации.

Впрочем, вовсе не Брюно Латур — главный герой этой интеллектуальной драмы.

Пролог. *Homo Edinburgus*

...В 1816 году немецкий врач Иоганн Шпурцхайм прибыл в Эдинбург. Годом ранее он издал в Лондоне книгу под названием «Физиогномическая система докторов Галля и Шпурцхайма», в которой изложил (в систематизированном и доработанном виде) основы учения своего наставника, доктора Франца Йозефа Галля.

1. Мозг — это физический субстрат психики.
2. Он состоит из 27 областей.

5. Латур Б., Энньон А. Как ошибки во множестве категорий приводят к известности // Гефтер. 29.11.2013. URL: <http://gefeter.ru/archive/10660>.

3. По размеру отдельных областей мозга можно судить о развитости того или иного «чувства».
4. Когда «чувство» развито, отвечающая за него область мозга начинает давить на череп, что приводит к появлению «шишек».
5. Исследуя «шишки» на черепе, можно не только судить о строении мозга, но и диагностировать психологические особенности индивида.

Для демонстрации истинности этого учения (которое сам Шпурцхайм называл френологией, а Галль — краниологией) Шпурцхайм провел в одном из частных домов публичное вскрытие черепа недавно казненного в Эдинбурге преступника. На этой демонстрации присутствовал молодой шотландский юрист Джордж Комб. Пораженный новой теорией, он посетил все лекции Шпурцхайма, прочитал все их с Галлем работы, а уже через четыре года основал Эдинбургское френологическое общество. Успех френологии на Британских островах был феноменальным. Выступая в качестве провозвестника новой науки, Комб в 1828 году опубликовал книгу «Строение человека в его отношении к внешним объектам»⁶, которая выдержала девять переизданий и к середине XIX века в Соединенном Королевстве уступала в популярности только Библии и «Путешествию Пилигрима» Джона Баньяна. Королева Виктория и принц Альберт лично пригласили Комба обследовать черепа их детей. К 1840-м годам в одном только Лондоне насчитывалось 28 френологических обществ.

Чем объяснить такую популярность столь странной анатомической теории? Тем, что Комб был хорошим пиарщиком, использовавшим близкий массам язык для продвижения френологии на британском рынке? Тем, что свои памфлеты он печатал на дешевой бумаге и распространял на улицах? Наконец, тем, что френология была созвучна английскому здравому смыслу и воспринималась элитами как либерально-реформистское, а не революционное движение?⁷

Стивен Шейпин, один из трех (наряду с Дэвидом Блуrom и Барри Барнсом) основателей Эдинбургской школы, в своей

6. *Combe G. The Constitution of Man Considered in Relation to External Objects.* Cambridge: Cambridge University Press, 2009.

7. *Parssinen T. Popular Science and Society: The Phrenology Movement in Early Victorian Britain // Journal of Social History.* 1974. № 1. P. 1–20.

нашумевшей работе *Homo Phrenologicus*⁸ предлагает иное объяснение. Во-первых, френологи вовсе не были шарлатанами. Две трети членов Эдинбургского френологического общества имели медицинский бэкграунд. Френологи первыми обнаружили и описали функциональные различия белого и серого вещества, развили теорию «мозговых волокон» и составили «карту» коры головного мозга. Во-вторых, френология бросила вызов старой — восходящей еще к Платону — концепции, согласно которой страты общества гомологичны «фракциям души», а социальная иерархия отражает иерархию в развитости тех или иных природных склонностей. Теперь таковых насчитывается 27 (в более поздних френологических исследованиях 35), соответственно, аристократия — вовсе не «благородное сословие» и не «душа общества», управляющая его «телом». Средний класс обладает своими собственными (научно диагностированными и локализованными в мозге) добродетелями, например «добросовестностью» и «соревновательностью». Неслучайно подавляющее большинство последователей Комба были выходцами из набирающей силу британской буржуазии. Френология же, по справедливому замечанию Мартина Куша, «позволяла новому классу, с одной стороны, чувствовать себя более комфортно в изменяющихся социально-экономических обстоятельствах, с другой — аргументировать против привилегированного положения аристократии»⁹.

На первый взгляд объяснение, предложенное в *Homo Phrenologicus*, само страдает избыточной «френологичностью»: интересы аристократии и буржуазии локализованы в классовой структуре, как добродетели — в мозге. На это Шейпин отвечает, что классовая структура вообще не имеет прямого отношения к производству знания (в лучшем случае — к его валоризации); социальные интересы обладают антропологическим, а не классовым происхождением. Уже в дописьменных обществах обнаруживаются три типа интересов, которые заставляют их членов сохранять и транслировать знание о природе: интерес в контроле над внешним миром, интерес в управлении социальной структурой и интерес в придании смысла положению человека. А пото-

8. *Shapin S. Homo Phrenologicus: Anthropological Perspectives on an Historical Problem // Natural Order: Historical Studies of Scientific Culture / S. Shapin, B. Barnes (eds). Beverly Hills: Sage, 1979.*

9. *Kusch M. Sociology of Science: Bloor, Collins, Latour // Philosophy of Science: The Key Thinkers. N.Y.: Continuum Books, 2012. P. 247.*

му всякое высказывание (*knowledge claim*) о природе является также и высказыванием о социальном порядке — легитимирующем или оспаривающем существующее положение дел. Иными словами, френологическая теория не *скрывает* «подлинные классовые интересы» Комба, она уже *является* теорией общества, учреждающей новый социальный порядок.

...Математик Симон Стевин, опубликовавший в 1585 году труд «Десятая» (*De Thiende*), более всего известен как популяризатор десятичных дробей. Возможно, именно ему мы сегодня обязаны их тотальным превосходством над обыкновенными дробями (как минимум в европейской повседневности¹⁰). Но для истории математики Стевин сделал куда больше. Прежде всего, он доказал, что единица является числом.

Для древних греков, замечает Блур,

...единица являлась исходной точкой или генератором чисел. Греки вкладывали в понятие числа такое же значение, как и мы, когда говорим, что некоторое число людей пришло на лекцию, имея в виду, что людей было больше одного. Аристотель предлагал собственную версию общепринятой точки зрения, когда утверждал в «Метафизике»: «единица» — это мера некоторого множества, а «число» — это измеренное множество или множество единиц измерения. <...> Единица находится по обе стороны дихотомии четности-нечетности и в то же время превосходит ее, являясь ее первопричиной и источником. Здесь можно провести некоторые антропологические параллели. Мифы о происхождении мира часто обращаются к событиям, которые выходят за рамки категорий и классификаций, которые они объясняют. Говоря о мироздании, люди нередко отсылают к процессам, напоминающим инцест. Об этом свидетельствует и наш собственный миф об Адаме и Еве. Единице также придается статус того, что преступает за рамки категорий¹¹.

Греческая интуиция единицы как своего рода метачисла просуществовала до конца XVI столетия, пока — благодаря убедительности аргументов Стевина — не утратила свой трансцендентный статус. Блур указывает:

10. По всей видимости, Соединенные Штаты остаются одним из последних бастионов использования обыкновенных дробей в повседневном обращении (от дорожных знаков до аптечных рецептов).
11. Блур Д. Знание и социальное представление. Глава 6. Возможна ли альтернативная математика? // Социология власти. 2012. № 6–7. С. 157.

Аргумент Стевина состоял в том, что если число состоит из множества единиц, тогда единица должна быть частью числа. Часть должна обладать той же природой, что и целое, и, следовательно, единица — число. Отрицать это, говорил Стевин, все равно, что утверждать, будто кусок хлеба не есть сам хлеб¹².

Однако без дополнительного обоснования данный аргумент неубедителен. Таким дополнительным обоснованием для Стевина становится аналогия между числом и линией.

Чтобы понять всю революционность стевиновской идеи, по Блуру, нужно принять во внимание неискоренимую социальность математики:

Стевин был инженером. Все ведущие математики того времени занимались вопросами технологического или прикладного характера. В силу практического склада они пользовались числами не только для счета, но и для измерения. Вероятно, именно практические задачи разрушили границы между геометрией и арифметикой. Числа стали выполнять новую функцию, описывая особенности подвижных, активных процессов изменений. Так, число и система мер легли в основу интеллектуального освоения баллистики, навигации и применения машин. Для тех, кто противился новым представлениям, число по-прежнему сохраняло статичность. Число следовало понимать через классификацию. Важнейшими характеристиками представлялись те, которые позволяли причислить его к той или иной категории... Число служило символическим воплощением порядка и иерархии Бытия. Оно обладало метафизической и теологической значимостью¹³.

Значит ли это, что математика Стевина скрывала, выражала или отражала подлинные интересы нового «класса инженеров», противостоящего старому «классу метафизиков»? Нет. Потому что сама математика — это форма жизни, совокупность повседневных практик, интересов и культурных конвенций. Она не скрывает социальное как свою «действующую причину», она сама насквозь социальна.

Так устроено «эдинбургское объяснение» в социологии научного знания (*sociology of scientific knowledge, SSK*).

12. Там же. С. 160.

13. Там же. С. 162.

Акт I. Война на два фронта

«Сильная программа», сформулированная в 1970-х годах эдинбургскими теоретиками, поставила перед социологией научного знания четыре задачи:

1. Она должна быть каузальной, то есть иметь в качестве предмета условия, вызывающие те или иные представления и состояния знания.
2. Она должна быть беспристрастной в отношении истины и лжи, рационального и иррационального, достижений и провалов.
3. Форма ее объяснений должна быть симметричной: «одни и те же типы причин должны объяснять и истинные, и ложные представления».
4. Она должна быть рефлексивной: «в принципе, ее объяснительные конструкции должны быть применимы к самой социологии»¹⁴.

Блуровское исследование альтернативной математики и шейпиновское исследование френологии, кажется, отвечают трем из четырех требований «сильной программы»: в них даны каузальные объяснения, эти объяснения беспристрастны и симметричны — не делается никаких различий между «истинной» математикой и «ложной» френологией. О том, что исследования эдинбуржцев редко отвечают четвертому императиву их собственной эпистемологии, часто пишут как критики, так и союзники «сильной программы»¹⁵ (нет ни одной канонической работы, которая бы каузально, беспристрастно и симметрично объяснила возникновение самой Эдинбургской школы). Почему же эти четыре простые декларации произвели такой фурор в социологическом сооб-

14. Блур Д. Сильная программа в социологии знания // Логос. 2002. № 5–6. С. 167.

15. Со стороны союзников этот аргумент выдвигает Мартин Куш (*Kusch M.* Op. cit.), со стороны противников — Ларри Лаудан (*Laudan L. The Pseudo-Science of Science? // Scientific Rationality: The Sociological Turn.* Dordrecht: Springer Netherlands, 1984). В работах отечественных авторов диспозиция повторяется: упрек в декларативности можно услышать как из лагеря апологетов (*Моркина Ю. С. Социальная теория познания Д. Блур: истоки и философский смысл.* М.: Канон+, 2012), так и из лагеря критиков (*Stepantsov P. The Weakness of the Strong Program in Sociology of Knowledge.* Unpublished manuscript. Moscow: Moscow School of Social and Economic Sciences, 2010).

ществе, обеспечив Блуру место в пантеоне классиков социологии знания? Дело в том, что Эдинбургской школе удалось нарушить длительное перемирие, сложившееся между «рационалистами» (интерналистами) и «социологистами» (экстерналистами) в исследованиях науки.

Со времен Фрэнсиса Бэкона познающий субъект знал, что на пути познания его ждут ловушки, *idola*. Идол — это, по сути, греческий эйдолон, деградировавшая идея (эйдос), пустая репрезентация, застывшая между миром идей и царством бытия. Идол — это морок, который застит взор ученого и философа. И чтобы приблизиться к идеалу истинного знания, нужно иметь знание о том, что препятствует знанию. Чем полнее наше знание об источниках невежества, искажения и иллюзий, тем больше у нас шансов на постижение истинной природы вещей. Такое знание о незнании можно назвать негативным.

«Нарушитель конвенции» Дэвид Блур заявил, что вся социология знания — от Фрэнсиса Бэкона и Карла Маркса до Макса Шелера и Карла Мангейма — занималась именно негативным знанием¹⁶. На место бэконовских идолов рода, театра и площади приходили марксовы идола класса и объективных классовых интересов (которые не дают познающему субъекту увидеть мир в его объективном уродстве), а на их место — бурдьевицские идола «положения ученого в социальном поле». Но ограничение сферы деятельности исследователя негативным знанием при этом не изменялось. Настоящее же объяснение, как убеждают нас классики «сильной программы», должно быть симметричным, то есть безразличным к подобным дихотомиям истинного и ложного. То, против чего так истово протестует Блур, лучше всего сформулировал Ларри Лаудан в знаменитом принципе арациональности: «Социология знания может вторгаться в объяснение убеждений, если — и только если! — эти убеждения нельзя объяснить исходя из их рациональных качеств»¹⁷.

Принцип арациональности — это не просто соглашение о перемирии между социологами знания и философами науки, это пакт о ненападении и разделе сфер влияния. Согласно ему социологи могут забирать себе все заблуждения и искажения, от которых

16. Эта претензия на «коперниканский переворот» в трактовке знания крайне занимательно была обыграна в современной еврейской религиозной философии (Штейнзальц А., Функенштейн А. Социология невежества. М.: Институт изучения иудаизма в СНГ, 1997).

17. *Laudan L. Progress and Its Problems: toward a Theory of Scientific Growth.* L.; Boston: University of California Press, 1977. P. 202.

науке удалось избавиться в процессе кумулятивного накопления (истинного) знания, при условии, что они гарантируют суверенитет работающих (истинных) теорий. Иными словами, на вопрос о причинах взлета френологии социолог (представитель «слабой программы», тут же добавил бы Блур) должен ответить: «Потому что она лучше отвечала мировоззрению буржуазии», а на вопрос о победе математики Стевина ему следует удовлетвориться рационалистским аргументом: «Потому что она лучше описывает математическую реальность»¹⁸.

Блур клеймит позором всех своих предшественников, социологов знания, постыдно согласившихся на условия унижительного мира с философами, но особенно достается Мангейму за его различие реального повседневного мышления (которое социолог должен объяснить) и мышления научного, теоретического (которое социолог объяснить не может, потому что он им в этот момент пользуется). «Мужество оставило его» — таков приговор Блура Мангейму¹⁹. Таким образом, Эдинбургской школе с самого нача-

18. Блур приводит иной пример: «Объектами социологического исследования должны быть как истинные, так и ложные, как рациональные, так и иррациональные идеи — в той мере, в какой их придерживаются коллективно. Все они должны объясняться одними и теми же типами причин. Во всех случаях исследователь должен распознавать локальные, контингентные причины представления [*belief*]. Это требование было сформулировано в противовес господствовавшему ранее предположению, которое все еще защищают во многих научных кругах: истинные (или рациональные) представления следует объяснять путем ссылки на реальность, в то время как ложные (или иррациональные) — ссылаясь на искажающее влияние общества. Возьмем популярный среди критиков социологии знания пример: открытие Менделеем законов наследования объясняется его наблюдениями за растениями в экспериментальном саду. Для объяснения же антименделеевских утверждений Лысенко, напротив, достаточно указать на идеологию марксизма-ленинизма, сталинскую диктатуру и политический оппортунизм некоторых советских агрономов. Постулат симметрии означает отказ от подобного подхода» (см. статью Дэвида Блура «Анти-Латура» в настоящем номере «Логоса»).

19. Позднее, когда популярность Эдинбургской школы пойдет на спад (не в последнюю очередь благодаря усилиям Латура), бывшие оппоненты Блура поднимут голову и попытаются реабилитировать социологию знания Мангейма в качестве актуального, работающего и куда более сильного, нежели «сильная программа», теоретического ресурса (*Пелс Д. Карл Маннгейм и социология научного знания: к новой программе исследований // Парадигмы социологии знания: хрестоматия. М.: Наука, 2007*). Пикантности этому обстоятельству придает тот факт, что движение за реабилитацию Мангейма в социологии науки возглавил Дик Пелс, немало сделавший для популяризации работ Латура как отца-основате-

ла приходится вести войну на два фронта: против фанатичных фундаменталистов от рационалистской философии науки и против морально устаревших социологов от «слабых» партий.

Нарушение перемирия не осталось незамеченным. В 1981 году Эрнан МакМаллин опубликовал статью «Рациональное и социальное», вызвав Блур на интеллектуальную дуэль²⁰. Он противопоставил блуровской «презумпции неограниченной социальности» (*principle of unrestricted sociality, PUS*) лакатосовскую «презумпцию стандартной рациональности» (*presumption of standard rationality, PSR*). Его задача — положить предел социологическому наступлению в объяснении научного знания, раз и навсегда отделив эпистемическое от неэпистемического. Блур ответил по-иезуитски: он последовательно отделил предпосылки высказываний МакМаллина от его выводов, показав, что связь между ними имеет выраженную социальную природу. Мы просто не поймем, как одно связано с другим, если не примем во внимание исторические и языковые конвенции, речевые обстоятельства и прагматические контексты этих высказываний²¹. Рациональность аргумента и обоснованность вывода не имеют оснований в чистой логике, потому что логика не имеет оснований в самой себе — она часть конкретной локальной формы жизни (*Lebensform*) вроде математики Стевина или френологии Комба.

Благодаря нескольким таким дуэлям Дэвид Блур заслужил репутацию радикала и революционера²². Латур не лукавит, когда говорит:

...я всецело в долгу перед Дэвидом. Его принцип симметрии, его «сильная программа» позволили мне и многим моим коллегам во Франции освободиться от безраздельного господства французских эпистемологов²³.

ля социологии вещей (*Pels D., Hetherington K., Vandenberghe F. The Status of the Object: Performances, Mediations and Techniques // Theory, Culture and Society. 2002. Vol. 19. № 5–6. P. 1–21*).

20. *McMullin E. The Rational and the Social // Grazer Philosophische Studien. 1981. № 12. P. 13–33.*

21. *Bloor D. The Sociology of Reasons: Or Why “Epistemic Factors” are Really “Social Factors” // Scientific Rationality: The Sociological Turn. Dordrecht: Springer Netherlands, 1984. P. 298–316.*

22. *Brown J. R. The Rational and The Social. How to Understand Science in a Social World. L.; N.Y.: Routledge, 2015; Remedios F. Legitimizing Scientific Knowledge: An Introduction to Steve Fuller’s Social Epistemology. Maryland: Lexington Books, 2003.*

23. См. статью Брюно Латюра «Дэвиду Блур... и не только: ответ на „Анти-Латур“ Дэвида Блур» в настоящем номере «Логоса».

Он также неспроста подчеркивает: «„сильная программа“ была полезна и по-прежнему направлена против немногочисленных оставшихся эпистемологов»²⁴. Превозносая Блур за его победу над эпистемологами, Латур отказывает ему в успехах на второй линии фронта — в борьбе со «слабыми программами» в социологии знания, но об этом чуть позже.

Пока же зафиксируем один важный момент: Блuru удастся нащупать большое место всей предшествующей социологии знания, которое и стало причиной постыдного мира с рационалистской философией науки, — связывание оппозиции социального/рационального с оппозицией формы/содержания. Самый слабый из возможных ходов — сказать, что у всякого знания есть рациональное содержание и социальная форма. Следующий шаг социологической аннексии — разделить знание на истинное и ложное и заполнить социальным еще одну клеточку: у ложного знания нет рациональной начинки, в нем социальны и форма, и содержание, а у истинного — только форма. (К такому решению нас подталкивает принцип арациональности Лаудана.) Наконец, остается сделать последний, решающий шаг, на который не отважился никто из предшественников Блур: заявить, что и у истинных научных теорий содержание насквозь социально. Нет больше никакого «социального кон-текста» (потому что «текст» тоже социален). Следовательно, нужно устранить обе конститутивные дихотомии. Но для этого требуется принципиально иной, неведомый «слабым программам» язык описания и иной теоретический инструментарий.

Блур находит его в работах Людвиг Витгенштейна.

Акт II. Те же и Витгенштейн

Чтобы устранить две конститутивные оппозиции — предмет согласия рационалистов и «слабых» социологов, — нужно показать, что знание не просто социально детерминировано, а насквозь социально; что *знание и общество сделаны из одного материала*. В своем исследовании альтернативных математик Блур сравнивает математические системы с моральными. Математика Стевина рядоположна не только математике Диофанта, она также рядоположна религиозным воззрениям самого Стевина. Нет принципиальных различий между «научной» математикой и «религиозной» догматикой. Это пока еще слабый ход. В конце кон-

24. Там же.

цов, существует давняя эпистемологическая традиция концептуализации знания как «обоснованного убеждения» (*justified belief*) — и тогда разница между утверждением «единица является числом» и догматом о предопределении оказывается лишь разницей в модусе обоснования. Но Блур пытается пойти дальше: для него математика Стевина — это социальный институт (вовсе не тождественный «убеждениям»). Такой же, как церковь, деньги и государство.

Мартин Куш, один из самых последовательных апологетов Эдинбургской школы, формулирует этот тезис следующим образом:

... для социологизма рациональные сущности, такие как мотивы, аргументы или теории, *суть* социальные сущности. Иначе говоря, они являются социальными институтами, частями социальных институтов или зависят от социальных институтов²⁵.

Пример? Здесь появляется излюбленная эдинбургцами аналогия между аргументами и деньгами:

Возьмем такой социальный институт, как деньги: что делает металлический диск монетой, то есть частным случаем денег? Только то, что некоторая социальная общность считает этот металлический диск деньгами, а также то, что в этой общности о нем говорят как о деньгах, используют его как деньги, причем общность санкционирует или принуждает к такого рода речевой практике и к такому использованию. Можно сказать, что деньги — это то, что мы коллективно считаем деньгами... Эта краткая теория социальных институтов точно так же может применяться и к философским аргументам²⁶.

Вся статья Куша — попытка решить задачу Эдинбургской школы с опорой на (крайне запутанную и сильно вульгаризированную) теорию социальных институтов.

Однако ход Блура здесь тоньше. В конечном итоге для него сами социальные институты не обладают той притягательной, почти мистической силой, которая заставляет социологов знания незамедлительно наделять их онтологическим статусом

25. Куш М. Социология философского знания: конкретное исследование и защита // Логос. 2002. № 5–6. С. 14.

26. Там же. С. 17.

(кто может усомниться в реальности денег, церкви или государства?). Для Блура онтологическим статусом обладают *формы жизни* — многочисленные правилосообразные практики, составляющие саму ткань знания и общества. Социальные институты — это, по сути, часть форм жизни, причем та часть, которая относится к правилам: «должны существовать правила, а, как утверждал Витгенштейн, правила и есть социальные институты»²⁷. В более ранней работе, впрочем, Блур тоже испытывает сильное искушение свести формы жизни к набору институционализированных норм и санкций, но делает это более осторожно, чем Куш:

Математика и логика, в сущности, представляют собой разные наборы норм. Они имеют тот же онтологический статус, что и институты — по своей природе они социальные. А значит, вычисления и выводы можно исследовать точно так же (с помощью того же набора теорий), как и любой другой нормативный набор²⁸.

Заметим, здесь уже появляется различие математики как социального института (*математики правил*) и математики как действий вычисления (*математики практик*). Но это различие пока не является проблемой (хотя тень скептического парадокса, который Сол Крипке сформулирует через три года после выхода программной статьи Блура о Витгенштейне, уже пала на «сильную программу»).

Почему понятия, аргументы и теории социальные? Потому что, следуя Витгенштейну, *понятия суть практики применения понятий*. Блур напрямую переносит витгенштейновскую интуицию «Значение как Употребление» в социологию — так формулируется центральный эдинбургский тезис: «Знание как Употребление». Именно здесь включается аргумент Барри Барнса о самореперентности институтов:

Его основную идею можно выразить с помощью одного упрощенного примера социального института — денег. Например, мы можем сказать, что предикат «деньги» обозначает нечто, верно называемое деньгами, поскольку достаточное количество других

27. См. статью «Анти-Латур» Дэвида Блура.

28. *Bloor D. Wittgenstein and Mannheim on the Sociology of Mathematics // Studies in the History and Philosophy of Science. 1973. Vol. 4. № 2. P. 189.*

людей называют это деньгами. Областью референции предиката является реальность, которая конституируется социальной практикой отсылки (референции) к ней. <...> Мы можем сказать, что высказывания (о деньгах) и вещь, о которой идет речь («сами» деньги), суть одно и то же. Объект референции и акты этой референции (например, действия тех, кому известен объект) — одно и то же. Взятые вместе, субъект и объект дискурса становятся чем-то одним. Что применимо к институту денег, применимо и ко всем другим социальным институтам: они самореферентны и сами себя конституируют²⁹.

Повторимся: та же логика применяется «сильной программой» и к рациональным аргументам.

Блур — автор двух книг о Витгенштейне³⁰. И, вопреки многим критически настроенным оппонентам³¹, я рискну утверждать, что проект позднего Витгенштейна — как минимум в части теории значения и философии форм жизни — это подлинный фундамент «сильной программы», а не декоративный элемент на ее фасаде. Обращение к витгенштейновской философии позволяет Блuru достичь сразу нескольких целей:

1. Предложить новую концептуализацию научного знания как части (а не производной) определенной формы жизни — совокупности нерелексивных правилсообразных действий.
2. Обосновать идею имманентной социальности знания: если научное понятие есть его применение в практике, а практика коллективна (витгенштейновский тезис о невозможности индивидуального языка), то всякая научная теория оказывается настолько же рациональной, насколько социальной.
3. Наконец, задать принципиально новую интуицию социального: больше нет всемогущих классовых интересов, потребностей общества или его функциональной сегментации как универсальных идолов, затмевающих разум ученого. Есть только нерелексивные, повседневные, рутинные, правилсообразные практики.

29. См. «Анти-Латур» Дэвида Блuru.

30. *Bloor D. Wittgenstein: a Social Theory of Knowledge*. NY.: Columbia University Press, 1983; *Idem. Wittgenstein, Rules and Institutions*. L.: Routledge, 1997.

31. *Линч М.* Развивая Витгенштейна: решающий шаг от эпистемологии к социологии науки // Социология власти. 2013. № 1–2. С. 155–213.

«Витгенштейновский поворот» в социологии 1960–1970-х годов сыграл не последнюю роль в быстром распространении идей Эдинбургской школы. В одной из своих работ Брюно Латур так описывает свою очарованность проектом SSK:

Поначалу идея выглядела совсем неплохо: было забавно, оригинально и поучительно использовать слово «конструктивизм» для характеристики тех исследований науки и техники, которыми я занимался. Лаборатории действительно выглядели гораздо интереснее, будучи описанными как стройплощадки, а не как темные подземелья, где хранятся мумифицированные законы науки. И прилагательное «социальный» также поначалу казалось очень удачно выбранным, поскольку я и мои коллеги помещали почтенную работу ученых в горячую ванну культуры и общества, с тем чтобы снова вдохнуть в нее молодость и жизнь³².

О каком «социальном» идет речь? Витгенштейновская метафора стройплощадки здесь неслучайна — это «социальное» нерелективных практик, а не Большого Общества, морфологии сообществ или классовых интересов. Первое известное исследование Латура и Вулгара «Жизнь лаборатории»³³ было выстроено именно как этнография рутинных лабораторных практик. Так философия жизненных форм становится оружием против «слабого» социологизма.

Предположим, мы провели исследование выборки немецких и американских лабораторий, работающих в одном поле и обладающих сходным набором релевантных параметров, и выяснили, что немецкие ученые в среднем делают открытия гораздо реже. Как объяснит это расхождение «слабый» социологист? Он покажет ключевое отличие в социальной архитектуре двух «эпистемических культур»: в Германии связи между аспирантами и научными руководителями теснее и сохраняются дольше, они остаются залогом выхода на академическую орбиту и после защиты первой диссертации. Кроме того, немецкий академический рынок меньше, более замкнут и плотность «моральных

32. Латур Б. Надежды конструктивизма // Социология вещей / Под ред. В. Вахштайна. М.: Территория будущего, 2006. С. 365.

33. Latour B., Woolgar S. Laboratory Life: the Social Construction of Scientific Facts. L.; Beverly Hills: Sage, 1979; Латур Б., Вулгар С. Лабораторная жизнь. Глава 2: Антрополог посещает лабораторию // Социология власти. 2012. № 6–7. С. 178–234.

связей» в нем выше. Поэтому, делая открытие, ученый старается всячески усмирить свою гордыню, явить читателям, рецензентам и будущим работодателям образец научной скромности и непременно продемонстрировать в статье, что это никакой не прорыв в науке, а, напротив, развитие идей его научного руководителя и других достойных коллег. Американская ситуация прямо противоположна. Здесь нужно быстро заявить о себе, социальные связи менее прочные и более функциональные, мобильность выше и *commitment* имеет короткий срок годности. Это базовое различие следует поместить в более широкий социальный контекст: добавить сюда отличия в механизмах отбора рукописей журнальными редакциями, эксплицировать логику работы грантовых комитетов, на худой конец — написать практическое руководство «как преуспеть в академическом мире X». Уместной будет старая добрая антропологическая метафора «ученые как племя»: нужно показать, как именно сотрудники каждой лаборатории пляшут с бубном на защитах диссертаций, приносят кровавые жертвы отцам-основателям их научных школ, клянутся в верности, избегают ритуального осквернения и транслируют мифы об учредительных событиях — все то, что социологи старой школы называли механизмами поддержания и воспроизводства солидарности на микроуровне социального взаимодействия³⁴.

Если мы «слабые» социологи, но при этом тяготеем к «жестким» объяснениям, нам будет вполне достаточно нескольких универсальных объяснительных параметров. Самые проверенные из них — морфологические, относящиеся к структуре академических сообществ и особенно к плотности социальных связей внутри них. Так мы придем к простому выводу:

34. Множество крайне увлекательных и жизненных примеров такого типа «слабых» объяснений в социологии науки мы найдем в: Соколов М., Губа К., Зименкова Т., Сафонова М., Чуйкина С. Как становятся профессорами: академические карьеры, рынки и власть в пяти странах. М.: Новое литературное обозрение, 2015. См. также: Губа К. Поиск и отбор рукописей в американских социологических журналах: сеть vs рынок // Социология власти. 2015. № 3. С. 93–125. Рефлексию предложенных в этих работах объяснительных моделей см. в: Соколов М. Социология как чудо. Процесс *sense-building* в одной академической дисциплине // Социология власти. 2015. № 3. С. 13–57 (а также в критических откликах оппонентов: Хархордин О. Социология как доставка, поставка или проставка смысла жизни // Социология власти. 2015. № 3. С. 58–68; Вахштайн В. Салоны и клубы. Ответ Михаилу Соколову // Социология власти. 2015. № 3. С. 69–80).

больше солидарности — меньше открытий. Социальная природа полученного знания будет объяснена в логике раннего Дюркгейма (морфология сообщества определяет его коллективные представления). Если же мы не только «слабые», но и «мягкие» социологи, верящие в автономию коллективных представлений от структурных детерминант — *a la* поздний Дюркгейм и культурсоциологи Йельской школы³⁵, — мы объясним разницу в работе немецких и американских лабораторий факторами скорее культурного, нежели структурного порядка. (Хотя такое ослабление объяснительной монополии структурных параметров не означает полного отказа от них.) Тогда нам придется иметь дело с занятым удвоением социальной обусловленности научного знания: открытия ученых окажутся детерминированы и социальной морфологией их академических сообществ, и теми системами классификаций, которые они разделяют в силу общей академической социализации. Одно социальное тянется за ученым как шлейф его обязательств, связей, зависимостей, интересов, второе находится перед его глазами подобно очкам — эпистемические конвенции, коллективные представления о природе изучаемого объекта, общие для данного конкретного «мыслительного коллектива».

Но и в мягкой, и в жесткой версии «слабого» социологизма мы не увидим главного — социальности самих открытий. Это будет лишь разный «социальный фрейминг»³⁶ (хотя, безусловно, «мягкая» версия дюркгеймианства, основанная на социологизации кантовского трансцендентализма, куда ближе к идеалу объяснения самого содержания знания). Без тотальной реконцептуализации знания, социального и их отношения новая социология науки останется в плену старых (и «слабых») допущений.

35. По иронии судьбы культурсоциологи Йельской школы во главе с Джеффри Александером также именуют себя «сильной программой» (правда, в исследованиях культуры, а не науки). Впрочем, Александеру далеко до радикализма раннего Блур — он вряд ли стал бы развивать тезис о единстве или бесшовном соединении культуры и общества (Александр Дж. Смыслы социальной жизни: культурсоциология. М.: Практикс, 2013).

36. Конечно, не в смысле микросоциологии Ирвинга Гофмана, а в куда более скромном определении политологов (Яноу Д., Ван Хульст М. Фреймы политического: от фрейм-анализа к анализу фреймирования // Социологическое обозрение. 2011. Т. 10. № 1–2. С. 87–113) и исследователей общественных движений (Сноу Д., Берк Рочфорд Э., Водэн С., Бенфорд Р. Процессы согласования фрейма, микромобилизация и участие в общественном движении // Социология власти. 2013. № 4. С. 187–224).

Именно здесь на помощь «сильной программе» приходит Витгенштейн. Блурю остается только получить новый сплав социального и рационального в плавильном котле правилосообразных практик.

И все было бы, вероятно, так, если бы не одно «но».

Акт III. Витгенштейн оборачивается Дюркгеймом

Жанр «военной истории идей», который я выбрал для этой статьи (и который, кстати, глубоко отвратителен как самому Блурю, так и большинству его оппонентов), диктует свою логику повествования. Первое его правило — аргументы действуют. Они манипулируют собственными авторами, вступают в эпистемические коалиции, сталкиваются и гибнут в сражениях³⁷. А потому, когда речь заходит о вероломстве, предательстве и измене, это всегда вероломство самих теорий и лишь отчасти — решение их авторов. С момента взлета Эдинбургской школы до момента ее падения (зафиксированного как раз в дискуссии с Латуром) проходит около двадцати лет. И большая часть из них была потрачена Блуром на объяснение своим собственным партнерам по витгенштейнианской коалиции, что его «сильная программа»: а) имеет право на существование; б) имеет отношение к Витгенштейну; в) работает лучше, чем старые версии «слабого» социологизма; г) хоть чем-то от этих «слабых» версий отличается. Как выяснилось, безуспешно.

Слово последнему защитнику «сильной программы» Мартину Кушу:

Я хотел бы провести различие между тремя версиями социологизма: «элиминативной», «редуктивной» и «аномальной». <...> Элиминативный социологизм является позицией, которую Фреде, Грасиа и Нормор приписывают социологии знания в целом. В основном эта позиция сводится к тому, что доводы, аргументы и теории не являются тем, чем они себя объявляют, и что наши обычные способы их рассмотрения представляют собой в корне ошибочную «народную теорию»³⁸. Сложно, однако, найти того, кто действительно придерживается такой точки зрения.

37. Эту интуицию мы попытались эксплицировать в: *Вахштайн В.* Дело о повседневности. Социология в судебных прецедентах. М.: ЦГИ, 2015.

38. *Churchland P.* Matter and Consciousness: A Contemporary Introduction to the Philosophy of Mind. Cambridge, MA: MIT Press, 1988. P. 43–49.

Что-то похожее я нахожу, например, в работе Мишеля Фуко «Ницше, генеалогия, история»...³⁹ Фуко излагает здесь ницшеанскую генеалогию как разоблачение аргументов, являющихся в действительности только «масками». Под собой они скрывают «страсти ученых, их взаимную ненависть, их бесконечные и фанатичные дискуссии, их дух соперничества. <...> проявления воли к знанию — инстинкт, страсть, инквизиторскую непреклонность, злобную утонченность и злой умысел»^{40,41}.

Куш либо лукавит, либо плохо знаком с работами критических социологов. Все, что он приписывает Фуко, в избытке (и в куда более вульгарном изложении) мы найдем у половины социологов знания, практикующих навязчивую марксистскую культуру подозрения в качестве своего методологического императива. Куш продолжает:

Переходя от элиминативного к редуктивному социологизму, я рассматриваю последний как концепцию, согласно которой число типов социальных сущностей (аргументов, теорий) идентично числу типов социальных институтов. Социорациональные законы как раз и представляют собой установление такого рода типовых идентичностей [*type-type identities*]. Такого рода закон может принимать, например, следующую форму: «Аргументы типа А идентичны тем, которые заслуживает доверия в социальной структуре типа S». Социологи, придерживающиеся редуктивного подхода, будут делать, в частности, следующие утверждения: «Психологизм будет расцветать, когда экономические силы угрожают автономии буржуазного субъекта»; «Антипсихологизм неизбежно восторжествует, когда перед лицом развития монополистического капитализма исчезнет всякая иллюзия такой автономии»⁴²; «Радикальный философский скептицизм будет широко распространен среди людей, обладающих привилегированным положением, но лишенных влияния в по-

39. Foucault M. Nietzsche, Genealogy, History // The Foucault Reader: An Introduction to Foucault's Thought / P. Rabinow (ed.). L.: Penguin Books, 1984.

40. Ibid. P. 78, 95.

41. Куш М. Указ. соч. С. 21–22.

42. Nyiri J. C. Beim Sternenlicht des Nichtexistierenden: Zur ideologiekritischen Interpretation des platonisierenden Antipsychologismus // Inquiry. 1974. Vol. 17. P. 399–443.

литической системе ярко выраженного деспотического типа»⁴³;
«Примитивное ограничительное исключение является типичной интеллектуальной реакцией на инновации в обществе, характеризующемся внутренней раздробленностью и отсутствием общего врага»^{44,45}.

Это все очень знакомые аргументы «слабого» социологизма, лишенного, однако, одержимости культурой подозрения. Заметим, что цитату из Блур Куш поместил именно сюда.

Наконец, третья версия социологизма — «аномальный социологизм», — по Кушу, является самой желанной эпистемологией:

Совершенно очевидно, что данная позиция формулируется согласно модели, предложенной Дональдом Дэвидсоном применительно к проблеме взаимоотношения сознания и тела. Аномальный монизм Дэвидсона состоит в следующем: ментальные события идентичны физическим событиям, возможность строгих психофизических законов (типов) отрицается, равно как и эпифеноменализм, а ментальное понимается как происходящее [*supervening*] от физического^{46,47}.

Точно так же в аномальном социологизме социальное признается идентичным рациональному; Куш использует для устранения дуализма знания и общества дэвидсоновскую стратегию борьбы с дуализмом сознания и тела.

Стоп! А как же Блур? Ведь это его мечта, его задача, ставка всей его жизни. Ради этой благородной цели — создания работающей эпистемологии, названной Кушем «аномальным социологизмом», — Блур корпел над своей «сильной программой», сражался на два фронта с рационалистами и «слабыми» социологистами, нарушил перемирие и пакт об арациональности. Куш отвечает на этот вопрос:

43. *Douglas M.* The Social Preconditions of Radical Scepticism // *Power, Action and Belief: A New Sociology of Knowledge?* / J. Law (ed.). L.: Routledge; Kegan Paul, 1986.

44. *Bloor D.* Wittgenstein: a Social Theory of Knowledge. P. 140–145.

45. *Куш М.* Указ. соч. С. 22.

46. *Davidson D.* Thinking Causes // *Mental Causation* / J. Heil, A. Mele (eds). Oxford: Clarendon Press, 1993.

47. *Куш М.* Указ. соч. С. 23.

В работах Дэвида Блур и Мэри Дуглас многое совпадает с моими взглядами на социологию знания. И все же мне представляется, что редукативные социологические построения этих чрезвычайно влиятельных работ (которые подтверждаются и моими частными беседами с Блуrom) являются, по всей видимости, неверно ориентированными⁴⁸.

Блур для Куша — «слабый» социологист редукативного типа. Он не сумел преодолеть инерцию старой социологии знания. И хотя впоследствии Куш делает для Блур исключения, перенося его после долгого раздумья в когорту «правильных» аномальных социологов, выглядит это по меньшей мере странно. Если так рассуждает друг и ученик, чего ожидать от оппонента; Латур, в сущности, говорит то же, что и Куш: «сильная программа» хорошо сражается только против старой эпистемологии, против кондового социологизма она бессильна⁴⁹.

Обратим внимание еще на одну странность. Имя Витгенштейна в тексте Куша встречается всего трижды и все три раза — в сочетании «Дюркгейм и Витгенштейн». Но разве не против «слабого» социологизма дюркгеймовского типа был направлен критический удар эдинбургцев? Почему в итоге их наследнику Кушу приходится стыдливо прятать Витгенштейна за ширмой, развивая свой тезис об «аномальном социологизме» с опорой на (куда менее релевантную для Блур) философию Дэвидсона?

Что-то явно пошло не так, и это «что-то» имеет отношение к эдинбургской версии витгенштейнианства.

Давайте на минуту вернемся к сюжету с философией форм жизни. Сила «сильной программы» состоит именно в ее способности к концептуализации научного знания через правилосообразные практики ученых. Математика Стевина — это не эпифеномен его формы жизни, это и есть его форма жизни, а вернее,

48. Там же. С. 24.

49. Впрочем, здесь Латур лукавит. Он не случайно затратил столько усилий для популяризации «сильной программы» во Франции. Его главной мишенью, для поражения которой он воспользовался аргументами Блур, были не рационалисты-эпистемологи, а социологистская теория науки Пьера Бурдьё. Латур с радостью воспользовался тезисом эдинбургцев о «слабом» социологизме, чтобы сбросить Бурдьё с корабля современности. Что любопытно, Бурдьё проглотил наживку и выступил с жесткой критикой Блур, причислив «сильную программу» к антисциентистскому и деконструктивистскому лагерю (*Bourdieu P. Animadversiones in Mertonem*// Robert K. Merton: Consensus and Controversy// J. Clark (ed.). Philadelphia: Falmer Press, 1990).

результат наложения двух таких форм — инженерной и математической. Практики решения инженерных задач подчинены особому роду правилам, как и все соответствующие математические расчеты, потребовавшие в конечном итоге переосмысления идеи числа. «Сильный» социологист должен вскрыть и детально проанализировать архитектуру этих практических логик.

К примеру, чтобы социологически (и витгенштейниански) объяснить такую примитивную вещь, как моя статья, правильный социологист должен показать, что она является не самостоятельным рациональным и эпистемическим феноменом, а, напротив, продуктом наложения и интерференции двух форм жизни — предельно герметичных правил «шанинского аналитического чтения» (заставляющих меня в конечном итоге приписывать агентность, мотивы и интересы самим аргументам) и предельно медиатизированной московской салонной науки (навязывающей мне жанр «военной истории идей»). Мое письмо — это практика, сообразующаяся с двумя наборами правил, во многих отношениях противоречащих друг другу. То же и с френологией Комба: если мы всерьез принимаем «сильную программу», то должны показать, как практика публичных вскрытий связана с практикой анатомического доказательства и практикой салонной жизни Эдинбурга XIX века. Никакой классовой структуры, никакой морфологии и космогонии субстанциализированных сообществ, никакой воли к власти — только практики и правила.

Но как практики и правила связаны между собой? Математика Стевина — это одновременно и практика расчетов, и правила вычисления. Социальная теория — это и правила письма, и практика написания. Как решается проблема их соединения? Иными словами, взяв на вооружение витгенштейновскую интуицию «правило-сообразных практик», Дэвид Блур немедленно столкнулся с проблемой, хорошо известной философам как скептический парадокс Сола Крипке.

Вкратце предыстория такова. В 1976 году Крипке прочитал в канадском городе Лондоне свою знаменитую лекцию, позднее вошедшую в книгу «Витгенштейн о правилах и индивидуальном языке»⁵⁰. Вся лекция (которой было суждено изменить направление теоретического поиска сразу в нескольких социологических областях), по сути, сводилась к интерпретации нескольких пара-

50. Крипке С. Витгенштейн о правилах и индивидуальном языке. М.: Канон+, 2010.

графов «Философских исследований» Витгенштейна, в частности знаменитого параграфа 201:

Наш парадокс был таким: ни один образ действий не мог бы определяться каким-то правилом, поскольку любой образ действий можно привести в соответствие с этим правилом. Ответом служило: если все можно привести в соответствие с данным правилом, то все может быть приведено и в противоречие с этим правилом. Поэтому тут не было бы ни соответствия, ни противоречия⁵¹.

Скептический парадокс, как формулирует его Крипке, сводится к следующему: число конкретных практик, в которых мы применяли то или иное правило в прошлом, ограничено, и нет никаких гарантий, что описываемое этим правилом множество случаев дает возможность экстраполировать его на новые «кейсы». А если правила не приклеены к практикам и любые действия могут быть поставлены в соответствие любым правилам, значит, «все дозволено» — крипкианский скептицизм оборачивается эпистемическим анархизмом⁵².

И в тот момент, когда фигура скептика, безжалостно устраняющего имманентную связь между «правилом» и «практикой», обнаруживающего контингентность (если не случайность) их соотношения, окончательно испортила настроение исследователям-витгенштейнианцам, Крипке достал из рукава проверенное временем теоретическое решение — понятие сообщества:

Ситуация будет сильно отличаться, если мы разрешим себе рассматривать нашего наблюдаемого во взаимодействии с широким сообществом. Другие люди тогда будут обладать условиями оправданности для корректировки правила, которому следует субъект. Рассмотрим пример с маленьким ребенком,

51. *Витгенштейн Л.* Философские исследования // Витгенштейн Л. Философские работы. М.: Гнозис, 1994. Ч. I.

52. Чтобы выйти из порочного круга аргументов, порожденных витгенштейнианцами в споре о скептическом парадоксе, можно обратиться к тексту, написанному в совсем иной традиции (*Ролз Дж.* Две концепции правил // Социологическое обозрение. 2013. Т. 12. № 2. С. 16–40). Кажется, дополнив дихотомию «правила/практики» различием практики и события, моральный философ Джон Ролз сделал больше для развития витгенштейновской социологии, чем все интерпретаторы Витгенштейна из лагеря социологии знания.

обучающимся правилу сложения. Очевидно, что его учитель не будет принимать буквально любой ответ своего ученика. Напротив, ребенок должен удовлетворить различным условиям, если учитель хочет привить ему овладение понятием сложения⁵³.

Сказать, что крипкианское решение вызвало бурю негодования среди аналитических философов, — ничего не сказать. Всех, кто последовал за Крипке, стали презрительно именовать скептицистами. Однако теперь появилась важная теоретическая задача — как парировать крипкианский выпад? Оксфордские витгенштейнианцы Гордон Бейкер и Питер Хакер раздраженно замечают:

Удивительно, *prima facie*, что эта новая форма скептицизма должна привлекать столько внимания, не говоря уже о том, чтобы казаться глубокой. Установленное без обиняков предположение, что я не могу быть уверен, что теперь подразумеваю под «плюс» или под «красный» то же, что я подразумевал под ними вчера, не кажется ни правдоподобным, ни особо интересным⁵⁴.

Не очень понятно: если утверждение Крипке странно и неинтересно, зачем писать целую книгу, чтобы ответить на одну его лекцию? Оксфордские витгенштейнианцы не зря почувствовали угрозу, исходящую от крипкианского хода. Обращение к сообществу как всепроникающему «социальному контексту» применения правил — удивительно влиятельная фигура мысли. Еще до Крипке к ней прибегает Питер Уинч, главный «переводчик» Витгенштейна на язык социологов. Он подчеркивает:

Витгенштейн настаивает на том, что, во-первых, должно быть в принципе возможным для других людей понять правило и судить, правильно ли ему следуют; во-вторых, что не имеет смысла предполагать, что кто-то способен утвердить чисто личный стандарт поведения, если он никогда не имел опыта человеческого общества с его социально утвержденными правилами⁵⁵.

53. Крипке С. Указ. соч. С. 118.

54. Бейкер Г. П., Хакер П. М. С. Скептицизм, правила и язык. М.: Канон+, 2008. С. 79.

55. Уинч П. Идея социальной науки и ее отношение к философии. М.: Русское феноменологическое общество, 1996. С. 24.

Правда, у Уинча сообщество еще не занимает позиции судьи, присяжных и палача по совместительству (и уж точно Уинч не принял бы блуровской идеи эмпирического изучения сообществ). Гилберт Райл идет дальше:

Никто из нас не может придать смысла идее корректного применения языка, кроме как ссылкой на авторитет уверенного общественного одобрения⁵⁶.

Крипке лишь оставалось наделить Сообщество правами трансцендентального субъекта.

Именно поэтому скептицизм — крайне привлекательная стратегия мышления для вполне традиционных «слабых» социологов, привыкших оперировать такими концептами, как «сообщество», «социальный контекст», «авторитет» и «общественное одобрение». Что могут предложить в ответ оксфордские витгенштейнианцы? Для начала — показать, что практики и правила связаны друг с другом непосредственно, некоторым «внутренним отношением», то есть без всякого социального контекста или сообщества. Сам вопрос, поставленный Крипке, предполагает:

Существуют две независимые переменные — правило и его приложение. Они находятся в определенном отношении, а именно в таком, что последнее согласуется с первым. И выдвинутая проблема заключалась в том, что же предопределяет это отношение? Почему как раз эти, а не какие-нибудь другие действия соответствуют правилу? Каким образом объект, подобный правилу, может предопределять бесконечную совокупность действий, которые ему соответствуют?⁵⁷

Для Бейкера и Хакера «вопрос „Каким образом правило определяет это как свое применение?“ имеет не больше смысла, чем „Как эта сторона монеты определяет другую сторону как себе противоположную?“»⁵⁸, потому что

...следование правилу — это *Praxis*, регулярная деятельность. Понимание (направляемого правилом) выражения проявляется в конечном счете в его применении в действии. Ибо овладение

56. Райл Г. Понятие сознания. М.: Идея-Пресс. 2000.

57. Бейкер Г. П., Хакер П. М. Указ. соч. С. 131.

58. Там же.

техникой использования выражения в соответствии с правилом — это мастерство или способность⁵⁹.

Но для социолога апелляция к сообществу как к тому, что связывает правила и практики, даже более рискованна, чем для философа. Зачем вообще тогда нужна была «витгенштейновская революция», если мы вернулись к Дюркгейму? Разочарование тех, кто поверил в пророчество Дэвида Блур (следуйте за Витгенштейном, и единство знания-общества откроется вам), можно понять: вы обещали нам новую концептуализацию социального, вы открыли для нас регион рутинных повседневных правилосообразных практик⁶⁰, вы пообещали, что обращение к этому региону позволит преодолеть дуализм рационального и социального... Для чего? Чтобы вернуться потом к старому доброму дюркгеймианскому социологизму? Большее предательство витгенштейнианства сложно и представить. Это как если бы Дональд Дэвидсон пообещал создать программу «аномального монизма», окончательно устранив психофизический дуализм, а потом бы выяснилось, что для доказательства единства сознания и тела ему требуется концепт души.

Но когда Блур формулирует свою программу в социологии научного знания, скептический парадокс еще не выглядит неразрешимой проблемой. Он вообще еще не стоит на повестке дня. Поэтому Блур последовательно придерживается скептицистской дюркгеймовской версии в интерпретации Витгенштейна. (Хотя в более поздней книге Блур попытается отмежеваться от «решения Крипке», сделает он это через усиление «социологистского скептицизма» и лишь усугубит положение.) В итоге создатель «сильной программы» оказывается таким же исчадием скептицизма для социологов-витгенштейнианцев, как Крипке — для

59. Там же.

60. Кроме Латура и Вулгара, к региону рутинных правилосообразных действий ученых обратились и «когнитивные микросоциологи» во главе с Карен Кнорр-Цетиной. Но их разочарование в «сильной программе» не было столь драматичным, поскольку витгенштейновская философия никогда не воспринималась ими как панацея для исследований науки. Тем более любопытно, что Кнорр-Цетина в итоге делает тот же решительный шаг, что и Латур: от социологии знания — к объектно-ориентированной социологии (*Кнорр-Цетина К.* Социальность и объекты. Социальные отношения в постсоциальных обществах знания // *Социология вещей.* С. 267–306; *Кнорр-Цетина К., Брюггер У.* Рынок как объект привязанности: исследование постсоциальных отношений на финансовых рынках // *Социология вещей.* С. 307–341).

аналитических философов. С этого момента «сильная программа» становится объектом критики со стороны своих недавних союзников. Витгенштейновский лагерь раскалывается на враждующие фракции скептицистов и антискептицистов. Скептицисты вынуждены отступать назад, к Дюркгейму, что по факту означает отказаться от Витгенштейна и расписаться в «слабом» социологизме.

Акт IV. От революции — к реакции

Между победными дебатами Блура с философами-рационалистами и атакой на него со стороны социологов-витгенштейнианцев проходит совсем немного времени. Но теперь «сильной программе» приходится обороняться. Созданная как оружие нападения, обороняется она неумело. Прежние оппоненты вроде Лаудана ограничивались стандартным аргументом «три из четырех»: только три первых принципа «сильной программы» реализуемы, четвертый (требование рефлексивности и самоприменимости) остается чистой декларацией. Теперь же наступление идет по всем фронтам. Манчестерские этнометодологи во главе с Уэсом Шэрроком последовательно атакуют первый принцип — требование каузального объяснения⁶¹. Он строится на дюркгеймианской натуралистической трактовке каузальности, а потому несовместим с витгенштейновской идеей форм жизни⁶². Однако куда мощнее наступление на антискептицистском фронте, возглавленное Майклом Линчем⁶³. В 1992 году он указывает:

61. Sharrock W. W., Anderson R. J. The Wittgenstein Connection // *Human Studies*. 1984. Vol. 7. № 3–4. P. 375–386.

62. Чтобы опять же не замыкаться в кругу исключительно витгенштейнианских стратегий опровержения и контропровержения, стоит сравнить антикаузалистский аргумент Шэррока с аналогичным аргументом Макинтайра: Макинтайр А. Ошибка каузальности в социальной науке // *Социологическое обозрение*. 2013. Т. 12. № 1. С. 139–157.

63. Здесь кажется интересным выбор жанровой формы для атаки на оппонента. Если столкновение противников из разных теоретических лагерей происходит чаще всего в журнальных статьях или подготовленных специально для дуэли сборниках, то выпады в сторону «своих» начинаются с критических рецензий на свежие монографии оппонентов. Помимо рецензии этнометодологов Шэррока и Андерсона на книгу Блура, см. также рецензию Блура (*Bloor D. The Living Foundations of Mathematics // Social Studies of Science*. 1987. Vol. 17. № 2. P. 337–358) на книгу этнометодолога Эрика Ливингстона (*Livingston E. The Ethnomethodological Foundations of Mathematics*. L.: Routledge; Kegan

Сталкиваясь с явными расхождениями между сочинениями Витгенштейна и Дюркгейма, Блур преодолевает их, отрекаясь от некоторых центральных положений Витгенштейна... Блур, бесспорно, вдохновляется сочинениями Витгенштейна, даже если они не оправдывают его проект, но значительно более серьезная проблема состоит в том, что они подрывают многие программные заявления Блура⁶⁴.

Речь, конечно, о скептическом парадоксе:

Скептицистское прочтение Витгенштейна предоставляет содержание математики и естественных наук в распоряжение социолога, поскольку наиболее элементарные процедуры арифметики и теоретические законы физики могут теперь рассматриваться в качестве выражающих «совместное поведение людей», а не как трансцендентные законы разума или внутренние отношения в платонической области чистых математических форм. Предполагаемый этим аргументом экстернализм не требует объяснять поведение естественников или математиков нормами или идеологическими силами, существующими во «внешнем» обществе. Хотя дверь для таких объяснений уже приоткрыта, поскольку данный аргумент позволяет возлагать ответственность за конвенциональные практики их членов на относительно малые и закрытые дисциплинарные сообщества⁶⁵.

Малые и закрытые дисциплинарные сообщества в качестве объясняющего фактора ничем не лучше идеологических сил Большого Общества — таков аргумент Линча. Формы жизни оказались в итоге сведены к банальному коммунальному консенсусу и диспозиции отношений. Он заключает:

Чтобы пойти по пути, указанному Витгенштейном, социология должна выработать радикально иное представление о своей задаче. Блуровские попытки соединения аргументов Витгенштейна со схемами Дюркгейма или Мэри Дуглас ведут нас в тупик⁶⁶.

Paul, 1986). По тому, в какой момент пикировка в рецензиях перерастает в разгромные статьи и сборники, можно судить о распаде «эпистемических коалиций» и окончательном размежевании некогда близких подходов (Линч М. Указ. соч.).

64. Там же. С. 179.

65. Там же. С. 175.

66. Там же. С. 176.

Новая задача социологии научного знания, по Линчу, — прояснить внутреннюю рациональность познавательных действий с опорой на антискептицистское прочтение Витгенштейна. В конце концов, математика — это совокупность рациональных упорядоченных действий, независимых от воображаемой морфологии незримого колледжа математиков или от институциональной машинерии Большого Общества. Нужно устранить старую метафизику социального, чтобы увидеть имманентную связь правил и практик. Здесь аргумент Линча становится удивительно созвучен аргументу Латура. Неслучайно Линч сочувственно цитирует латуровскую «Пастеризацию Франции»⁶⁷, а Латур в полемике с Блуrom требует от того отдать должное этнометодологам:

А как быть с этнометодологией, столь радикально отличающейся от дюркгеймианства, с которым Дэвид отождествляет всю социологию? В своей работе я в равной мере отталкивался как от принципов методологии Майкла Линча, так и от таких Дэвида⁶⁸.

Что отвечает Блур своим многочисленным критикам из витгенштейнианского лагеря? Только то, что он уже написал в своей второй книге о Витгенштейне: вы все не понимаете глубинной социологической сути его работ. Для Блура антискептицизм неизбежно приводит к «индивидуалистской» трактовке Витгенштейна. Он не видит, как можно одновременно отстаивать тезис о невозможности индивидуального языка и оставаться на позициях антискептицизма⁶⁹. Этнометодологи наглядно показали, как именно это можно сделать.

Отголоски полемики с витгенштейнианцами (весьма болезненной для «сильной программы») легко прослеживаются и в обмене репликами с Латуром. Блур почти не обращается к Витгенштейну. Он не апеллирует к философии форм жизни и не настаивает больше на своем ключевом тезисе об имманентной социальной сути знания. Ему вполне достаточно дюркгеймовского аргумента. А те выпады, которые он делает против Латура, очень напоми-

67. Латур Б. Пастер: война и мир микробов, с приложением «Несводимого». СПб.: Издательство Европейского университета, 2015.

68. См. статью Брюно Латура «Дэвиду Блуру... и не только: ответ на „Анти-Латур“ Дэвида Блура» в настоящем номере «Логоса».

69. Блур Д. Витгенштейн как консервативный мыслитель // Логос. 2002. № 5–6. С. 16.

нают маневры его старых противников вроде Лаудана. Латур же с садистским удовольствием несколько раз позволяет себе наступить на большую эдинбургскую мозоль: «Дэвид, а зачем нам „сильная программа“, если она ничем не отличается от предложенного Дюркгеймом социологизированного кантианства? Зачем нам ты, если у нас уже есть Мэри Дуглас, Дэвид?» В конечном итоге он почти повторяет в адрес Блур слова самого Блур в адрес Мангейма: «Мужество оставило его». А значит, нужно двигаться дальше — «по ту сторону» исчерпавшего себя эдинбургского проекта. Но в какую сторону?

Первая опция — вперед, к аномальному социологизму. Это выбор Мартина Куша: если витгенштейновская философия не позволяет нам решить задачу «сильной программы», тем хуже для витгенштейновской философии. Значит, нужно найти новый теоретический ресурс и продвигаться в создании радикального социологистского проекта исследования научного знания.

Вторая опция — назад, к Витгенштейну. Если скептицистское прочтение классика философии превращает его в классика социологии, нужно отбросить крипкианскую «точку зрения сообщества» и создать новую социологию науки без сообществ. Это выбор этнометодологов.

Третья опция — в сторону, подальше от социологизма любого толка. Совершить еще один поворот (после «социального поворота») в трактовке отношений между знанием, обществом и объектом знания. Это выбор Латура.

Эпилог. На выезде из Эдинбурга поверните направо...

Один из латуровских упреков состоит в следующем: увлекшись миссией преодолеть разрыв между знанием и обществом (и торжественно ее провалив), Блур оставил на откуп философам другой разрыв — между знанием и объектом знания. Причем не просто философам, а лично Канту. Блур на это отвечает классическим дюркгеймовским аргументом: есть природа и есть общество, которое на самом деле тоже природа, только социальная. Социологию знания не интересует разрыв между объектами и теориями о них, потому что ее объект — сами теории. В силу эффекта специфической нетранзитивности отношений (возникающего только в том случае, если речь идет о естественно-научных теориях) объекты знания не должны интересовать социолога: объекты моих объектов не мои объекты. Блур утверждает:

Барнс открыл нам путь, напомнив о множестве знакомых примеров объектов, чья идентичность конституируется их использованием. Столы, стулья, кружки и соусницы, равно как и удобрения, взрывчатка, вакцины и краски, — все это реальные и внешние по отношению к нам вещи, но их идентичности определяются их ролью в жизни группы, которая создает эти идентичности посредством собственных практик. Предложение Барнса состоит в том, чтобы использовать эти случаи как модель для объектов, чья роль в нашей жизни более тонка, к примеру для электронов и микробов⁷⁰.

Для социолога науки не существуют ни сами стулья, ни сами микробы, но только их практические социальные идентичности (например, научные теории). Блур не настолько радикален, чтобы применить к самим объектам ту же витгенштейновскую модель «*X* как употребление *X*», которую он применяет к нашим представлениям о них. Иначе ему бы пришлось сказать: пульсар есть то, что делают астрономы, а электрон есть то, что делают физики. Но именно такова «ставка» Латура, правда, с небольшой поправкой: объекты — это то, что становится объектами в результате столкновений и альянсов с другими объектами. В процессе этих столкновений и испытаний сил они непрерывно переписывают собственную историю:

Теперь можно сказать, не впадая в противоречие, и то, что «микробы были созданы в 1864 году», и то, что «они были всегда». Единственный возможный с точки зрения здравого смысла ответ: «После 1864 года они были всегда»⁷¹.

Непонятно, правда, одно: что тогда является (становится) объектом? В чем его *differentia specifica*? Со стульями и соусницами более-менее понятно. (На этой понятности паразитирует то ответвление латуровской теории, которое связано с социологией вещей.) А теплород в той же степени объект, что и электрон? Да, ответит нам Латур, пока у него сохраняется достаточное число союзников (материальных и нематериальных, человеческих и нечеловеческих), делающих его стабильным объектом. А значит, не существует отдельно мозга казненного преступника, от-

70. См. статью Дэвида Блур «Анти-Латур» в настоящем номере «Логоса».

71. Latour B. Pandora's Hope. Essays on the Reality of Science Studies. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1999.

дельно — мозга, как его видит доктор Шпурцхайм. «Мозг френолога» обладает тем же статусом объекта, что и мозг на анатомическом столе, до тех пор, пока за Шпурцхаймом наблюдает Комб, а по улицам Эдинбурга расхаживают сотни врачей и других потенциальных членов Эдинбургского френологического общества. Они ни сводимы, ни несводимы друг к другу⁷², но до какого-то момента существуют во взаимоотношающих отношениях.

Блур отмахивается от латуровского тезиса как от бессодержательной риторической фигуры, не замечая, в какой степени Латур обязан этой идеей самому Блуру. Все, что делает Латур в своей поздней, объектно-ориентированной теории, — перетасовывает блуровские типы причинности, перенося их на сами объекты:

... каждая из сущностей, с которыми я имею дело, обладает всеми тремя типами причинности, которые... [Блур] удерживает тщательно разделенными. Каждая из них самореферентна (подобно обществу в его схеме), включена в причинно-следственные связи (как в его не-социальной природе) и недостаточно детерминирует следующего за ней в серии (как в его концепции разрыва между чувственными данными и интерпретацией). Вместо распределения трех типов причинности по разным онтологическим областям (по одной на не-социальную природу, социальную природу и их связь) я приписываю их всем сущностям⁷³.

Объект становится объектом не просто тогда, когда формируются «сеть» поддерживающих и «стабилизирующих» его актантов, а тогда, когда он обнаруживает в отношениях с ними все три типа модальностей: обладает собственной логикой *sui generis*, влияет на другие объекты и «недоопределен» их воздействиями⁷⁴. Лату-

72. Это центральный тезис самого Латура, сформулированный им в «Несводимом» (Латур Б. Пастер).

73. См. статью Брюно Латура «Дэвиду Блуру... и не только: ответ на „Анти-Латур“ Дэвида Блура» в настоящем номере «Логоса».

74. Кажется, здесь намечается будущий разлом между сильными и слабыми версиями объектно-ориентированной социологии. Для сильных онтологических проектов акцент стоит именно на свойстве самореферентности объектов. Рынок у Карин Кнорр-Цетины самореферентен (Кнорр-Цетина К., Брюггер У. Указ. соч.), так же как и морские гребешки у Мишеля Каллона (см. статью Мишеля Каллона «О некоторых элементах социологии перевода: приручение морских гребешков и рыболовов бухты Сен-Бриё» в следующем номере «Логоса»). Сла-

ровская онтологическая хореография возникает не вследствие отказа от идей Блурра, а в результате их творческой ревизии. Объектно-ориентированная социология «позднего Латура» — продолжение его более раннего проекта в исследованиях науки.

Ирония же состоит в том, что спустя десять лет после дебатов с Блуrom Латур сам был обвинен в недостатке радикализма и мужества — мужества отстаивать самореферентность объектов. Грэм Харман повторил подвиг Латура, обернув против него его же аргументацию: «Если объекты самореферентны и обладают собственной логикой *sui generis*, почему же они у Вас оказались растворены в сетях взаимной стабилизации? Не возникает ли здесь реакционного отката назад, к философии, в которой все определяется всем и ничто не может претендовать на самозаконность? Или Ваш релятивизм Вам дороже идеалов онтологического поворота? Не стоит ли тогда философам довести проект Латура до конца, если сам он на это не способен?»⁷⁵ Объектно-ориенти-

рые онтологические проекты не делают такого акцента: тело пациента в работах Аннмари Мол (*Мол А. Множественное тело // Социология власти. 2015. № 1. С. 232–247*) представляет собой наложение множества практических порядков, втулочный насос или португальский галеон в социальной топологии Джона Ло — эффекты сети отношений (*Ло Дж. После метода: беспорядок и социальная наука. М.: Издательство Института Гайдара, 2015*). Впрочем, речь, видимо, должна идти не столько об оппозиции, сколько о «континууме самозаконности», что автоматически выводит нас за рамки латурианской социологии. Индексичные объекты в исследовании Андрея Корбута периодически обнаруживают волю к сопротивлению практикам, а мост и дверь у Георга Зиммеля (*Зиммель Г. Мост и дверь // Социология власти. 2013. № 3. С. 145–150*) обладают большей самореферентностью, чем руина (*Он же. Руина // Избр. М.: Юрист, 1996. Т. 2. С. 227–233*), рама картины (*Он же. Рама картины. Эстетический опыт // Социология вещей. С. 48–53*) или ручка вазы (*Он же. Ручка. Эстетический опыт // Социология вещей. С. 45–47*). Кажется, эта проблема нигде сегодня не стоит так же остро, как в социологии города (*Вахштайн В. Пересборка города: между языком и пространством // Социология власти. 2014. № 2. С. 9–38*). В развитие темы самореферентности объектов см.: *Кузнецов А. Латур и его «технолог»: вещи, объекты и технологии в акторно-сетевой теории // Социология власти. 2015. № 1. С. 55–89; Ерофеева М. Акторно-сетевая теория и проблема социального действия // Социология власти. 2015. № 1. С. 17–36.*

75. См., напр.: *Harman G. Prince of Networks. Bruno Latour and Metaphysics. Melbourne: Re-press, 2009*. Из многочисленных работ объектно-ориентированных философов социологи читают (по долгу службы) эту книгу, а ради развлечения — другую, того же автора: *Харман Г. Четвероякий объект. Метафизика вещей после Хайдеггера. Пермь: Гиле Пресс, 2015*. Верхом философского разврата считаются: «Реалистская магия» Тимоти

рованная философия стала немезидой объектно-ориентированной социологии.

Впрочем, это уже совсем другая война.

Библиография

- Bloor D. Anti-Latour // *Studies in History and Philosophy of Science*. 1999. Vol. 30. № 1. P. 81–112.
- Bloor D. The Living Foundations of Mathematics // *Social Studies of Science*. 1987. Vol. 17. № 2. P. 337–358.
- Bloor D. The Sociology of Reasons: Or Why “Epistemic Factors” are Really “Social Factors” // *Scientific Rationality: The Sociological Turn*. Dordrecht: Springer Netherlands, 1984. P. 298–316.
- Bloor D. Wittgenstein and Mannheim on the Sociology of Mathematics // *Studies in the History and Philosophy of Science*. 1973. Vol. 4. № 2. P. 173–191.
- Bloor D. Wittgenstein: a Social Theory of Knowledge. N.Y.: Columbia University Press, 1983.
- Bourdieu P. Animadversiones in Mertonem // Robert K. Merton: *Consensus and Controversy* / J. Clark (ed.). Philadelphia: Falmer Press, 1990. P. 297–301.
- Brown J. R. The Rational and The Social. How to Understand Science in a Social World. L.; N.Y.: Routledge, 2015.
- Callon M. Some Elements of a Sociology of Translation: Domestication of the Scallops and the Fishermen of St. Brieuc Bay // *Power, Action and Belief* / J. Law (ed.). L.: Routledge, 1986. P. 196–223.
- Callon M., Latour B. Don't Throw the Baby Out with the Bath School! A Reply to Collins and Yearley // *Science as Practice and Culture* / A. Pickering (ed.). Chicago: University of Chicago Press, 1992. P. 343–368.
- Churchland P. Matter and Consciousness: A Contemporary Introduction to the Philosophy of Mind. Cambridge, MA: MIT Press, 1988.
- Collins H., Yearley S. Epistemological Chicken // *Science as Practice and Culture* / A. Pickering (ed.). Chicago: University of Chicago Press, 1992. P. 301–326.
- Combe G. The Constitution of Man Considered in Relation to External Objects. Cambridge: Cambridge University Press, 2009.
- Davidson D. Thinking Causes // *Mental Causation* / J. Heil, A. Mele (eds). Oxford: Clarendon Press, 1993. P. 3–17.
- Delanda M. A New Philosophy of Society: Assemblage Theory and Social Complexity. L.; N.Y.: Continuum, 2006.
- Douglas M. The Social Preconditions of Radical Scepticism // *Power, Action and Belief: A New Sociology of Knowledge?* / J. Law (ed.). L.: Routledge; Kegan Paul, 1986. P. 68–87.

Мортон (*Morton T. Realist Magic: Objects, Ontology, Causality*. Ann Arbor: University of Michigan Library, 2013) и «Новая философия общества» Мануэля Деланды (*Delanda M. A New Philosophy of Society: Assemblage Theory and Social Complexity*. L.; N.Y.: Continuum, 2006). Хотя хармановская статья о замещающей причинности (*Харман Г. О замещающей причинности* // *Новое литературное обозрение*. 2012. № 114. С. 75–90) куда более релевантна обсуждаемой здесь социологической проблематике.

- Foucault M. Nietzsche, Genealogy, History // *The Foucault Reader: An Introduction to Foucault's Thought* / P. Rabinow (ed.). L.: Penguin Books, 1984. P. 76–100.
- Harman G. Prince of Networks. Bruno Latour and Metaphysics. Melbourne: Re-press, 2009.
- Kusch M. Sociology of Science: Bloor, Collins, Latour // *Philosophy of Science: The Key Thinkers* / J. R. Brown (ed.). N.Y.: Continuum Books, 2012. P. 168–187.
- Latour B. For David Bloor and Beyond // *Studies in the History and Philosophy of Science. Part A.* 1999. Vol. 30. № 1. P. 113–129.
- Latour B. Pandora's Hope. Essays on the Reality of Science Studies. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1999.
- Latour B., Harman G., Erdélyi P. The Prince and the Wolf: Latour and Harman at the LSE. L.: Zero Books, 2011.
- Latour B., Woolgar S. Laboratory Life: the Social Construction of Scientific Facts. L.; Beverly Hills: Sage, 1979.
- Laudan L. Progress and Its Problems: Toward a Theory of Scientific Growth. L.; Boston: University of California Press, 1977.
- Laudan L. The Pseudo-Science of Science? // *Scientific Rationality: The Sociological Turn* / J. R. Brown (ed.). Dordrecht: Springer Netherlands, 1984. P. 41–73.
- Livingston E. The Ethnomethodological Foundations of Mathematics. L.: Routledge; Kegan Paul, 1986.
- McMullin E. The Rational and the Social // *Grazer Philosophische Studien.* 1981. № 12. P. 13–33.
- Morton T. Realist Magic: Objects, Ontology, Causality. Ann Arbor: University of Michigan Library, 2013.
- Nyiri J. C. Beim Sternenlicht des Nichtexistierenden: Zur ideologiekritischen Interpretation des platonisierenden Antipsychologismus // *Inquiry.* 1974. Vol. 17. P. 399–443.
- Parssinen T. Popular Science and Society: The Phrenology Movement in Early Victorian Britain // *Journal of Social History.* 1974. № 1. P. 1–20.
- Pels D., Hetherington K., Vandenberghe F. The Status of the Object: Performances, Mediations and Techniques // *Theory, Culture and Society.* 2002. Vol. 19. № 5–6. P. 1–21.
- Remedios F. Legitimizing Scientific Knowledge: An Introduction to Steve Fuller's Social Epistemology. Maryland: Lexington Books, 2003.
- Shapin S. Homo Phrenologicus: Anthropological Perspectives on an Historical Problem // *Natural Order: Historical Studies of Scientific Culture* / S. Shapin, B. Barnes (eds). Beverly Hills: Sage, 1979. P. 41–71.
- Sharrock W. W., Anderson R. J. The Wittgenstein Connection // *Human Studies.* 1984. Vol. 7. № 3–4. P. 375–386.
- Stepantsov P. The Weakness of the Strong Program in Sociology of Knowledge. Unpublished manuscript. Moscow School of Social and Economic Sciences, 2010.
- Woolgar S. Some Remarks about Positionism: A Reply to Collins and Yearley // *Science as Practice and Culture* / A. Pickering (ed.). Chicago: University of Chicago Press, 1992. P. 327–342.
- Александр Дж. Смыслы социальной жизни: культурсоциология. М.: Практис, 2013.
- Бейкер Г. П., Хакер П. М. С. Скептицизм, правила и язык. М.: Канон+, 2008.

- Блур Д. Витгенштейн как консервативный мыслитель // Логос. 2002. № 5–6. С. 47–65.
- Блур Д. Возможна ли альтернативная математика? // Социология власти. 2012. № 6–7. С. 150–177.
- Блур Д. Сильная программа в социологии знания // Логос. 2002. № 5–6. С. 162–185.
- Вахштайн В. Дело о повседневности. Социология в судебных прецедентах. М.: ЦГИ, 2015.
- Вахштайн В. Пересборка города: между языком и пространством // Социология власти. 2014. № 2. С. 9–38.
- Вахштайн В. Салоны и клубы. Ответ Михаилу Соколову // Социология власти. 2015. № 3. С. 69–80.
- Витгенштейн Л. Философские исследования // Он же. Философские работы. Ч. I. М.: Гнозис, 1994. С. 75–320.
- Губа К. Поиск и отбор рукописей в американских социологических журналах: сеть vs рынок // Социология власти. 2015. № 3. С. 93–125.
- Ерофеева М. Акторно-сетевая теория и проблема социального действия // Социология власти. 2015. № 1. С. 17–36.
- Зиммель Г. Мост и дверь // Социология власти. 2013. № 3. С. 145–150.
- Зиммель Г. Рама картины. Эстетический опыт // Социология вещей / Под ред. В. Вахштайна. М.: Территория будущего, 2006. С. 48–53.
- Зиммель Г. Руина // Он же. Избр. Т. 2. М.: Юрист, 1996. С. 227–233.
- Зиммель Г. Ручка. Эстетический опыт // Социология вещей / Под ред. В. Вахштайна. М.: Территория будущего, 2006. С. 45–47.
- Кнорр-Цетина К. Социальность и объекты. Социальные отношения в постсоциальных обществах знания // Социология вещей / Под ред. В. Вахштайна. М.: Территория будущего, 2006. С. 267–306.
- Кнорр-Цетина К., Брюггер У. Рынок как объект привязанности: исследование постсоциальных отношений на финансовых рынках // Социология вещей / Под ред. В. Вахштайна. М.: Территория будущего, 2006. С. 307–341.
- Крипке С. Витгенштейн о правилах и индивидуальном языке. М.: Канон+, 2010.
- Кузнецов А. Латур и его «технолог»: вещи, объекты и технологии в акторно-сетевой теории // Социология власти. 2015. № 1. С. 55–89.
- Куш М. Социология философского знания: конкретное исследование и защита // Логос. 2002. № 5–6. С. 104–134.
- Латур Б. Надежды конструктивизма // Социология вещей / Под ред. В. Вахштайна. М.: Территория будущего, 2006. С. 365–389.
- Латур Б. Пастер: война и мир микробов, с приложением «Несводимого». СПб.: Издательство Европейского университета, 2015.
- Латур Б. Политика объяснения: альтернатива // Социология власти. 2012. № 8. С. 113–143.
- Латур Б. Сферы и сети: два способа реинтерпретировать глобализацию // Проект International. 2012. № 31. С. 193–200.
- Латур Б., Вулгар С. Лабораторная жизнь. Глава 2: Антрополог посещает лабораторию // Социология власти. 2012. № 6–7. С. 178–234.
- Латур Б., Энньон А. Как ошибки во множестве категорий приводят к известности // Гефтер. 29.11.2013. URL: <http://gefeter.ru/archive/10660>.
- Линч М. Развивая Витгенштейна: решающий шаг от эпистемологии к социологии науки // Социология власти. 2013. № 1–2. С. 155–213.

- Ло Дж. После метода: беспорядок и социальная наука. М.: Издательство Института Гайдара, 2015.
- Макинтайр А. Ошибка каузальности в социальной науке // Социологическое обозрение. 2013. Т. 12. № 1. С. 139–157.
- Мол А. Множественное тело // Социология власти. 2015. № 1. С. 232–247.
- Моркина Ю. С. Социальная теория познания Д. Блура: истоки и философский смысл. М.: Канон+, 2012.
- Пелс Д. Карл Маннгейм и социология научного знания: к новой программе исследований // Парадигмы социологии знания: хрестоматия / Под ред. В. Л. Шульца. М.: Наука, 2007. С. 256–281.
- Райл Г. Понятие сознания. М.: Идея-Пресс. 2000.
- Ролз Дж. Две концепции правил // Социологическое обозрение. 2013. Т. 12. № 2. С. 16–40.
- Слотердайк П. Теория сфер: беседа о поэтике пространства с самим собой // Проект International. 2012. № 31. С. 181–192.
- Сноу Д., Берк Рочфорд Э., Водэн С., Бенфорд Р. Процессы согласования фрейма, микромобилизация и участие в общественном движении // Социология власти. 2013. № 4. С. 187–224.
- Соколов М. Социология как чудо. Процесс sense-building в одной академической дисциплине // Социология власти. 2015. № 3. С. 13–57.
- Соколов М., Губа К., Зименкова Т., Сафонова М., Чуйкина С. Как становятся профессорами: академические карьеры, рынки и власть в пяти странах. М.: Новое литературное обозрение, 2015.
- Уинч П. Идея социальной науки и ее отношение к философии. М.: Русское феноменологическое общество, 1996.
- Харман Г. О замещающей причинности // Новое литературное обозрение. 2012. № 114. С. 75–90.
- Харман Г. Четвероякий объект. Метафизика вещей после Хайдеггера. Пермь: Гиле Пресс, 2015.
- Хархордин О. Социология как доставка, поставка или проставка смысла жизни // Социология власти. 2015. № 3. С. 58–68.
- Штейнзальц А., Функенштейн А. Социология невежества. М.: Институт изучения иудаизма в СНГ, 1997.
- Яноу Д., Ван Хульст М. Фреймы политического: от фрейм-анализа к анализу фреймирования // Социологическое обозрение. 2011. Т. 10. № 1–2. С. 87–113.

REVOLUTION AND REACTION: ON THE ORIGINS OF OBJECT-ORIENTED SOCIOLOGY

VICTOR VAKHSHTAYN. Dean, Faculty of Sociology, Moscow School of Social and Economic Sciences (MSSES); Dean, Faculty of Philosophy and Sociology, avigdor2@yahoo.com.

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), 82 Vernadskogo ave., Bldg 2, 119571 Moscow, Russia.

Keywords: phrenology; Strong Program; actor-network theory; object-oriented ontology; skepticism.

This paper investigates a curious precedent in the history of social theory, namely the birth of object-oriented sociology from the spirit of the sociology of science. Our analysis focuses on the dispute between David Bloor and Bruno Latour, which was preceded by an extended trench war between adherents of the Strong Program and representatives of the “weak” approaches to the sociology of knowledge. We will attempt to show how the schism in the Wittgensteinian camp of sociology occurred, how the internal clash between the “skeptics” and “anti-skeptics” led to a weakened position of the Edinburgh School, and how Latour took advantage of the hasty retreat of Bloor to conservative Durkheimian positions prepared ahead of time. This dispute was a tragic event in the sociology of science, the final and decisive battle of the Strong Program against considerably more radical opponents. Not being able to survive from being stabbed in the back by his former Wittgensteinian allies, Bloor was forced to fend off Latour’s attacks by invoking the intuitions of Emile Durkheim and Mary Douglas. During this clash of the titans, Latour employed his ontological argument for the first time, conceiving the object as a self-referential, underdetermined and causal unit. It is precisely this conceptual move that would give the impulse for the creation of object-oriented sociology.

Of all places, why did phrenology become so widespread on the British Isles? Is “one” a number? How did the appeal to the concept of “form of life” (*Lebensform*) help to answer the question about the social nature of scientific knowledge? How did the anti-skeptical argument of the post-Wittgensteinian sociology of science weaken the Strong Program? Why did the thesis of the “impossibility of private language” lead the Edinburgh School into a dead-end? And why did a debate on the nature of scientific knowledge of objects lead to a war of all-against-all, and a disagreement about the nature of objects themselves? These questions, along with some others, are discussed in this paper.

DOI: [10.22394/0869-5377-2017-1-41-78](https://doi.org/10.22394/0869-5377-2017-1-41-78)

References

- Alexander J. *Smysly sotsial'noi zhizni: kul'tursotsiologiiia* [The Meanings of Social Life: A Cultural Sociology], Moscow, Praksis, 2013.
- Baker G. P., Hacker P. M. S. *Skeptitsizm, pravila i iazyk* [Scepticism, Rules and Language], Moscow, Kanon+, 2008.
- Bloor D. Anti-Latour. *Studies in History and Philosophy of Science*, 1999, vol. 30, no. 1, pp. 81–112.
- Bloor D. Sil'naia programma v sotsiologii znaniia [The Strong Programme in the Sociology of Knowledge]. *Logos. Filosofsko-literaturnyi zhurnal* [Logos. Philosophical and Literary Journal], 2002, no. 5–6, pp. 162–185.

- Bloor D. The Living Foundations of Mathematics. *Social Studies of Science*, 1987, vol. 17, no. 2, pp. 337–358.
- Bloor D. The Sociology of Reasons: Or Why “Epistemic Factors” are Really “Social Factors.” *Scientific Rationality: The Sociological Turn*, Dordrecht, Springer Netherlands, 1984, pp. 298–316.
- Bloor D. Vitgenshtein kak konservativnyi myslitel' [Wittgenstein as a Conservative Thinker]. *Logos. Filosofsko-literaturnyi zhurnal* [Logos. Philosophical and Literary Journal], 2002, no. 5–6, pp. 47–65.
- Bloor D. Vozmozhna li al'ternativnaia matematika [Can There Be an Alternative Mathematics, Really?]. *Sotsiologiya vlasti* [Sociology of Power], 2012, no. 6–7, pp. 150–177.
- Bloor D. Wittgenstein and Mannheim on the Sociology of Mathematics. *Studies in the History and Philosophy of Science*, 1973, vol. 4, no. 2, pp. 173–191.
- Bloor D. *Wittgenstein: a Social Theory of Knowledge*, New York, Columbia University Press, 1983.
- Bourdieu P. Animadversiones in Mertonem. *Robert K. Merton: Consensus and Controversy* (ed. J. Clark), Philadelphia, Falmer Press, 1990, pp. 297–301.
- Brown J. R. *The Rational and The Social. How to Understand Science in a Social World*, London, New York, Routledge, 2015.
- Callon M. Some Elements of a Sociology of Translation: Domestication of the Scallops and the Fishermen of St. Brieuc Bay. *Power, Action and Belief* (ed. J. Law), London, Routledge, 1986, pp. 196–223.
- Callon M., Latour B. Don't Throw the Baby Out with the Bath School! A Reply to Collins and Yearley. *Science as Practice and Culture* (ed. A. Pickering), Chicago, University of Chicago Press, 1992, pp. 343–368.
- Churchland P. *Matter and Consciousness: A Contemporary Introduction to the Philosophy of Mind*, Cambridge, MA, MIT Press, 1988.
- Collins H., Yearley S. Epistemological Chicken. *Science as Practice and Culture* (ed. A. Pickering), Chicago, University of Chicago Press, 1992, pp. 301–326.
- Combe G. *The Constitution of Man Considered in Relation to External Objects*. Cambridge: Cambridge University Press, 2009.
- Davidson D. Thinking Causes. *Mental Causation* (eds J. Heil, A. Mele), Oxford, Clarendon Press, 1993. P. 3–17.
- Delanda M. *A New Philosophy of Society: Assemblage Theory and Social Complexity*, London, New York, Continuum, 2006.
- Douglas M. The Social Preconditions of Radical Scepticism. *Power, Action and Belief* (ed. J. Law), London, Routledge, Kegan Paul, 1986, pp. 68–87.
- Erofeeva M. Aktorno-setevaia teoriia i problema sotsial'nogo deistviia [Actor-Network Theory and the Problem of Social Action]. *Sotsiologiya vlasti* [Sociology of Power], 2015, no. 1, pp. 17–36.
- Foucault M. Nietzsche, Genealogy, History. *The Foucault Reader: An Introduction to Foucault's Thought* (ed. P. Rabinow), London, Penguin Books, 1984, pp. 76–100.
- Guba K. Poisk i otbor rukopisei v amerikanskikh sotsiologicheskikh zhurnalakh: set' vs rynek [Search and Selection of Manuscripts in American Scientific Journals: Network vs Market]. *Sotsiologiya vlasti* [Sociology of Power], 2015, no. 3, pp. 93–125.

- Harman G. *Chetveroikii ob'ekt* [The Quadruple Object], Perm, Hyle Press, 2015.
- Harman G. O zameshchaiushchei prichinnosti [On Vicarious Causality]. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New Literary Observer], 2012, no. 114, pp. 75–90.
- Harman G. *Prince of Networks. Bruno Latour and Metaphysics*, Melbourne, Re-press, 2009.
- Kharkhordin O. Sotsiologiya kak dostavka, postavka ili prostavka smysla zhizni [Sociology as Delivery of Sense. Answering to Mikhail Sokolov]. *Sotsiologiya vlasti* [Sociology of Power], 2015, no. 3, pp. 58–68.
- Knorr-Cetina K. Sotsial'nost' i ob'ekty. Sotsial'nye otnosheniia v postsotsial'nykh obshchestvakh znaniia [Sociality with Objects. Social Relations in Postsocial Knowledge Societies]. *Sotsiologiya veshchei* [Sociology of Things] (ed. V. Vakhshtayn), Moscow, Territoriya budushchego, 2006, pp. 267–306.
- Knorr-Cetina K., Bruegger U. Rynok kak ob'ekt priviazannosti: issledovanie postsotsial'nykh otnoshenii na finansovykh rynkakh [The Market as an Object of Attachment: Exploring Postsocial Relations in Financial Markets]. *Sotsiologiya veshchei* [Sociology of Things] (ed. V. Vakhshtayn), Moscow, Territoriya budushchego, 2006, pp. 307–341.
- Kripke S. *Wittgenstein o pravilakh i individual'nom iazyke* [Wittgenstein on Rules and Private Language], Moscow, Kanon+, 2010.
- Kusch M. Sociology of Science: Bloor, Collins, Latour. *Philosophy of Science: The Key Thinkers* (ed. J. R. Brown), New York, Continuum Books, 2012, pp. 168–187.
- Kusch M. Sotsiologiya filosofskogo znaniia: konkretnoe issledovanie i zashchita [The Sociology of Philosophical Knowledge]. *Logos. Filosofsko-literaturnyi zhurnal* [Logos. Philosophical and Literary Journal], 2002, no. 5–6, pp. 104–134.
- Kuznetsov A. Latur i ego “tekhnolog”: veshchi, ob'ekty i tekhnologii v aktornosetevoi teorii [Latour and his “Technologist”: Things, Objects and Technology in Actor-Network Theory]. *Sotsiologiya vlasti* [Sociology of Power], 2015, no. 1, pp. 55–89.
- Latour B. For David Bloor and Beyond. *Studies in the History and Philosophy of Science. Part A*, 1999, vol. 30, no. 1, pp. 113–129.
- Latour B. Nadezhdy konstruktivizma [The Promises of Constructivism]. *Sotsiologiya veshchei* [Sociology of Things] (ed. V. Vakhshtayn), Moscow, Territoriya budushchego, 2006, pp. 365–389.
- Latour B. *Pandora's Hope. Essays on the Reality of Science Studies*, Cambridge, MA, Harvard University Press, 1999.
- Latour B. *Paster: voina i mir mikrobov, s prilozheniem “Nesvodimogo”* [Pasteur: Guerre et paix des microbes, suivi de “Irréductions”], Saint Petersburg, Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta, 2015.
- Latour B. Politika ob'iasneniia: al'ternativa [The Politics of Explanation: an Alternative]. *Sotsiologiya vlasti* [Sociology of Power], 2012, no. 8, pp. 113–143.
- Latour B. Sfery i seti: dva sposoba reinterpretirovat' globalizatsiiu [Spheres and Networks. Two Ways to Reinterpret Globalization]. *Project International*, 2012, no. 31, pp. 193–200.
- Latour B., Harman G., Erdélyi P. *The Prince and the Wolf: Latour and Harman at the LSE*, London, Zero Books, 2011.

- Latour B., Hennion A. Kak oshibki vo mnozhestve kategorii privodiati k izvestnosti [How to Make Mistakes on So Many Things at Once — and Become Famous for This]. *Gefter*, November 29, 2013. Available at: <http://gefeter.ru/archive/10660>.
- Latour B., Woolgar S. Laboratornaia zhizn'. Glava 2: Antropolog poseshchaet laboratoriiu [Laboratory Life. Chapter 2: An Anthropologist Visits the Laboratory]. *Sotsiologiya vlasti* [Sociology of Power], 2012, no. 6–7, pp. 178–234.
- Latour B., Woolgar S. *Laboratory Life: the Social Construction of Scientific Facts*, London, Beverly Hills, Sage, 1979.
- Laudan L. *Progress and Its Problems: Toward a Theory of Scientific Growth*, London, Boston, University of California Press, 1977.
- Laudan L. The Pseudo-Science of Science? // *Scientific Rationality: The Sociological Turn* (ed. J. R. Brown), Dordrecht, Springer Netherlands, 1984, pp. 41–73.
- Law J. *Posle metoda: besporiadok i sotsial'naiia nauka* [After Method: Mess in Social Science Research], Moscow, Izdatel'stvo Instituta Gaidara, 2015.
- Livingston E. *The Ethnomethodological Foundations of Mathematics*, London, Routledge, Kegan Paul, 1986.
- Lynch M. Razvivaia Vitgenshteina: reshaiushchii shag ot epistemologii k sotsiologii nauki [Extending Wittgenstein: The Pivotal Move from Epistemology to the Sociology of Science]. *Sotsiologiya vlasti* [Sociology of Power], 2013, no. 1–2, pp. 155–213.
- MacIntyre A. Oshibka kauzal'nosti v sotsial'noi nauke [A Mistake About Causality in Social Science]. *Sotsiologicheskoe obozrenie* [The Russian Sociological Review], 2013, vol. 12, no. 1, pp. 139–157.
- McMullin E. The Rational and the Social. *Grazer Philosophische Studien*, 1981, no. 12, pp. 13–33.
- Mol A. Mnozhestvennoe telo [The Body Multiple]. *Sotsiologiya vlasti* [Sociology of Power], 2015, no. 1, pp. 232–247.
- Morkina J. S. *Sotsial'naiia teoriia poznaniia D. Blura: istoki i filosofskii smysl* [Social Epistemology by David Bloor: Origins and Philosophical Meaning], Moscow, Kanon+, 2012.
- Morton T. *Realist Magic: Objects, Ontology, Causality*, Ann Arbor, University of Michigan Library, 2013.
- Nyiri J. C. Beim Sternenlicht des Nichtexistierenden: Zur ideologiekritischen Interpretation des platonisierenden Antipsychologismus. *Inquiry*, 1974, vol. 17, pp. 399–443.
- Parssinen T. Popular Science and Society: The Phrenology Movement in Early Victorian Britain. *Journal of Social History*, 1974, no. 1, pp. 1–20.
- Pels D. Karl Mannheim i sotsiologiya nauchnogo znaniia: k novoi programme issledovaniia [Karl Mannheim and the Sociology of Scientific Knowledge: Toward a New Agenda]. *Paradigmy sotsiologii znaniia: khrestomatiia* [Paradigms in Sociology of Knowledge: An Anthology] (ed. V. L. Shul'ts), Moscow, Nauka, 2007, pp. 256–281.
- Pels D., Hetherington K., Vandenberghe F. The Status of the Object: Performances, Mediations and Techniques. *Theory, Culture and Society*, 2002, vol. 19, no. 5–6, pp. 1–21.
- Rawls J. Dve kontseptsii pravil [Two Concepts of Rules]. *Sotsiologicheskoe obozrenie* [The Russian Sociological Review], 2013, vol. 12, no. 2, pp. 16–40.

- Remedios F. *Legitimizing Scientific Knowledge: An Introduction to Steve Fuller's Social Epistemology*, Maryland, Lexington Books, 2003.
- Ryle G. *Poniatie soznaniia* [The Concept of Mind], Moscow, Ideia-Press, 2000.
- Shapin S. Homo Phrenologicus: Anthropological Perspectives on an Historical Problem. *Natural Order: Historical Studies of Scientific Culture* (eds S. Shapin, B. Barnes), Beverly Hills, Sage, 1979, pp. 41–71.
- Sharrock W. W., Anderson R. J. The Wittgenstein Connection. *Human Studies*, 1984, vol. 7, no. 3–4, pp. 375–386.
- Simmel G. Most i dver' [The Bridge and the Door]. *Sotsiologiya vlasti* [Sociology of Power], 2013, no. 3, pp. 145–150.
- Simmel G. Rama kartiny. Esteticheskii opyt [The Frame of a Picture. Aesthetic Experience]. *Sotsiologiya veshchei* [Sociology of Things] (ed. V. Vakhshayn), Moscow, Territoria budushchego, 2006, pp. 48–53.
- Simmel G. Ruchka. Esteticheskii opyt [Door-Knob. Aesthetic Experience]. *Sotsiologiya veshchei* [Sociology of Things] (ed. V. Vakhshayn), Moscow, Territoria budushchego, 2006, pp. 45–47.
- Simmel G. Ruina [The Ruin]. *Izbr. T. 2* [Selected Works. Vol. 2], Moscow, Iurist, 1996, pp. 227–233.
- Sloterdijk P. Teoriia sfer: beseda o poetike prostranstva s samim soboi [Theory of Spheres: Talking to Myself about the Poetics of Space]. *Project International*, 2012, no. 31, pp. 181–192.
- Snow D., Burke Rochford E., Worden S., Benford R. Protsessy soglasovaniia freima, mikromobilizatsiia i uchastie v obshchestvennom dvizhenii [Frame Alignment Processes, Micromobilization, and Movement Participation]. *Sotsiologiya vlasti* [Sociology of Power], 2013, no. 4, pp. 187–224.
- Sokolov M. Sotsiologiya kak chudo. Protsess sense-building v odnoi akademicheskoi distsipline [Sociology as a Miracle. The Sense-Building Process in an Academic Discipline]. *Sotsiologiya vlasti* [Sociology of Power], 2013, no. 3, pp. 13–57.
- Sokolov M., Guba K., Zimenkova T., Safonova M., Chuikina S. *Kak stanoviat'sia professorami: akademicheskie kar'ery, rynki i vlast' v piati stranakh* [How to Become a Professor: Academic Careers, Markets and Power in Five Countries], Moscow, New Literary Observer, 2015.
- Steinsaltz A., Funkenstein A. *Sotsiologiya nevezhestva* [The Sociology of Ignorance], Moscow, Institut izucheniia iudaizma v SNG, 1997.
- Stepantsov P. The Weakness of the Strong Program in Sociology of Knowledge. Unpublished manuscript. Moscow School of Social and Economic Sciences, 2010.
- Vakhshayn V. *Delo o povsednevnosti. Sotsiologiya v sudebnykh pretsedentakh* [The Case of Everyday Life. Sociology in the Judicial Precedents], Moscow, TsGI, 2015.
- Vakhshayn V. Peresborka goroda: mezhd u iazykom i prostranstvom [Reassembling the City: Between Language and Space]. *Sotsiologiya vlasti* [Sociology of Power], 2014, no. 2, pp. 9–38.
- Vakhshayn V. Salony i kluby. Otvet Mikhailu Sokolovu [Salons and Clubs. Answering to Mikhail Sokolov]. *Sotsiologiya vlasti* [Sociology of Power], 2015, no. 3, pp. 69–80.
- Winch P. *Ideia sotsial'noi nauki i ee otnoshenie k filosofii* [The Idea of a Social Science and its Relation to Philosophy], Moscow, Russkoe fenomenologicheskoe obshchestvo, 1996.

- Wittgenstein L. Filosofskie issledovaniia [Philosophische Untersuchungen]. *Filosofskie raboty. Ch. I* [Philosophical Works. Part I], Moscow, Gnozis, 1994, pp. 75–320.
- Woolgar S. Some Remarks about Positionism: A Reply to Collins and Yearley. *Science as Practice and Culture* (ed. A. Pickering), Chicago, University of Chicago Press, 1992, pp. P. 327–342.
- Yanow D., Van Hulst M. Freimy politicheskogo: ot freim-analiza k analizu freimirovaniia [From Policy “Frames” to “Framing”]. *Sotsiologicheskoe obozrenie* [The Russian Sociological Review], 2011, vol. 10, no. 1–2, pp. 87–113.